

№2 (162)
МАРТ-АПРЕЛЬ 2020

ДАГЕСТАН

dagjournal.ru

Вирус в голове

Пословица «Не так страшен чёрт, как его малюют» стала главной и самой цитируемой в период пандемии и самоизоляции в Дагестане. По мне люди, которые это пишут это в сетях и говорят при личной беседе — пациенты, которых необходимо в срочном принудительном порядке госпитализировать на лечение головы.

Опасен дебил, уверенный в своей правоте. Их много сегодня, к сожалению.

Они не читают новости мировых информационных агентств, не следят за статистикой распространения болезни, их мозг не способен анализировать и понять, что не может быть тайной заговор лидеров держав, которые пребывают в постоянном противостоянии за своё влияние в мире. Они не понимают, что ситуация — когда прекращено производство, рушится экономика, слабеет рубль, страдает средний класс, растут протестные настроения в целом населения, порождённые коронавирусом, — не выгодна власти. Более того, она представляет для властей опасность — если они не справляются с кризисом, с вызовом.

Ко дню сдачи этого текста в США зарегистрировано более полумиллиона инфицированных людей, и это количество всё ещё растёт без признаков стабилизации. При всей

своей экономической мощи страна не справляется с эпидемией, и это очень тревожит сегодня мир.

Когда вакцины ещё нет и больных лечат теми средствами, что есть в распоряжении медиков, оптимальным выходом считают самоизоляцию — чтобы предостеречь население от массового заражения. При большом наплыве доктора и больницы могут не успевать справляться с потоком больных. В этом случае болезнь унесёт много жизней, да уберёжет Всевышний от этого.

Диванные эксперты, которые вводят людей в заблуждение, что короновирус — миф и выдумка, должны понимать, что они в первую очередь попадают не только под уголовную ответственность за распространение фейковых, ложных новостей. Это наказание ждёт их в этом мире. После «знакомства» и распространения вируса, который, по их мнению, не существовал, спрос с них будет и на том свете, куда они стремительно направляются, сами того не ведая.

Пожелаем больным выздоровления, здоровым — просветления и понимания, как важно беречь себя, своих родных и близкое окружение от заразы.

Магомед Бисавалиев

Содержание

- 4 *Андрей Меламедов*
«Без киви и бананов
мы проживем»
- 10 *Тамерлан Магомедов*
Маир Пашаев:
«Эффект где?»
- 18 *Наида Хаспулатова*
Хасавюрт:
рынки, старина
и «итальянская роскошь»
- 28 *Влада Бесараб*
Старое вино
в новые мехи
- 35 *Светлана Анохина*
Переподключение

Фото в номере: Руслан Алибеков,
Альберт Гаджимагомедов,
Гаджикурбан Расулов

16+

ДАГЕСТАН

№2(161) март-апрель 2020 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство информатизации,
связи и массовых коммуникаций
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4,
2-й этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
1350000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

41	<i>Светлана Анохина</i>	50	<i>Магомед Ахмедов</i>
Хорошие манеры
при чаепитии
с безумцами
и археоптериксами		Лирика	
		56	<i>Константин Гусев</i>
		Коммунальный
роман	
46	<i>Магомед Бисавалиев</i>	62	<i>Залму Батирова</i>
Записки на полях		Волчий урок	

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан.

Регистрационный номер ПИ № ТУ05-00418 от 22 апреля 2019 года.

ОГРН 1120572002066

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД,
г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – раз в два месяца

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб,
у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.

Тираж – 700 экз.

Номер заказа –

Дата выхода –

Андрей Меламедов

«БЕЗ КИВИ И БАНАНОВ МЫ ПРОЖИВЁМ»

Сегодня никто не может сказать, как долго продлится пандемия. При этом практически все эксперты — медики, вирусологи, производители лекарств — уверены, что быстро эту заразу победить не удастся. А поскольку самой действенной мерой борьбы с распространением коронавируса является карантин, очевидно, что вынужденные «каникулы» для бизнеса обернутся неминуемым спадом экономического развития и спровоцируют кризис, последствия которого будут сказываться на мировой экономике, по крайней мере, ближайшие пять лет. И это ещё по оптимистичным прогнозам, причём в странах, которые уже сегодня активно запустили механизмы поддержки своих предпринимателей.

Увы, Россия, здесь пока не очень преуспела. На борьбу с коронавирусом выделено всего 300 млрд рублей или 0,3 % ВВП. Для сравнения на поддержку национальных экономик и населения США направляют 9 % своего ВВП, Великобритания — 14 %, Германия — свыше 20 %.

При этом сегодня на меры господдержки могут рассчитывать лишь отрасли, попавшие в «коронавирусный список». Пока в нём присутствуют слишком немногие. Взглянем на счастливицков:

- ✓ авиаперевозки, аэропортовая деятельность, автоперевозки;
- ✓ культура, организация досуга и развлечений;
- ✓ физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт;
- ✓ гостиничный бизнес;
- ✓ общественное питание;
- ✓ деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма;

- ✓ деятельность организаций дополнительного образования, негосударственных образовательных учреждений;
- ✓ деятельность по организации конференций и выставок;
- ✓ деятельность по предоставлению бытовых услуг населению (ремонт, стирка, химчистка, услуги парикмахерских и салонов красоты).

Ни промышленность, ни агропром, ни огромный сегмент малого и среднего бизнеса в заветный список не попали, и если в итоге и получат какую-то помощь от государства, очевидно, что это будут чисто косметические меры. И спасением утопающих в очередной раз придётся озаботиться самим утопающим.

Прогноз сопредседателя «Деловой России» **Антон Данилова-Данильяна** неутешителен: он считает, что нынешняя ситуация на бизнесе отразится самым серьёзным образом:

— *Нам не компенсируют, как во многих других странах, затраты на зарплаты сотрудникам. Есть только элементы, связанные*

с пролонгацией кредитов, но это не компенсация, а именно пролонгация, а доходов-то у нас нет. Мы, конечно, покажем очень серьёзный спад и полную дезорганизацию нашей деятельности. Многие предприятия, кто закредитован, лишатся объектов недвижимости, которые были в залоге у банков... Многие предприятия неизбежно обанкротятся, потому

что в таких условиях проще банкротиться, чем продолжать кому-то что-то платить... Чем меньше компания, тем больше шансов, что она уйдёт с рынка. Всё зависит от сроков: если так и останется этот месяц нерабочим, то, наверное, 20 % предприятий не откроется. Если продлится дальше, то — может быть, и все 40 %.

А теперь посмотрим, какая ситуация в связи с коронавирусом складывается в экономике Дагестана, региона, как мы знаем, не самого богатого. На сайте правительства РД говорится о мерах поддержки малого и среднего предпринимательства, призванных поддержать налогоплательщиков и повысить социально-экономическую устойчивость региона. В их числе снижение налоговой ставки для упрощенной системы налогообложения в два раза: с 6 % до 3 %, в сфере социального предпринимательства и информационных технологий налог будет снижен до 1 %. Снижение налогов также анонсировано для аграриев, с 6 % до 3%, и по другим налогам, относящимся к специальному налоговому режиму. С 1,5 % до 1 % планируется сниже-

ние налога на имущество организаций. Сообщается, что подобные рекомендации будут даны муниципальным образованиям. Пока всего лишь рекомендации.

Предусматривается также отсрочка по арендным платежам в отношении объектов государственной и муниципальной собственности для субъектов малого и среднего предпринимательства. Сообщается, что отдельные меры государственной поддержки будут подготовлены для организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма и промышленного производства. Глава республики также рекомендовал освободить от уплаты транспортного налога семьи, в которых воспитываются четверо и более детей.

Тут всё ясно: денег в республиканском бюджете немного, федеральный центр от решения проблем бизнеса дистанцировался, и поэтому на сколь-нибудь серьёзную поддержку наш бизнес рассчитывать не может. И будет, пока хватит сил и средств, спасать себя сам.

Корреспондент журнала «Дагестан» попытался разобраться, с какими трудностями придётся столкнуться дагестанским предпринимателям в ближайшее время. Сразу отметим, что по многим отраслям никакой информации получить не удалось. И эксперты, и представители бизнеса пока пребывают в растерянности и не очень представляют себе последствия нынешнего кризиса. Чиновники — это отдельная тема: подавляющее их большинство от комментариев отказались, очевидно, опасаясь попасть пальцем в небо. Тем не менее, некоторые моменты, как нам кажется, прояснить удалось. Впрочем, судите сами.

Промышленность

Немногие оставшиеся на плаву предприятия республики, как мы знаем, на магазины не работают. Их продукция — это или госзаказ (Дагдизель, КЭМЗ и др.), или заказы крупных компаний (тот же завод Гаджиева, выпускающий погружные насосы для ЛУКОЙЛа). Так что проблема резкого снижения покупательского спроса и заморозка продаж — это не про них. Тот же КамАЗ, очевидно, пострадает от нынешнего кризиса намного сильнее любого из дагестанских

заводов. Но если Камский автозавод будут спасать всем миром, то наши заводы с кризисом вынуждены будут разбираться в одиночку.

Это мнение корреспондента журнала «Дагестан» в полной мере разделяет Магомедна-

би Муртазалиев, который в течение многих лет возглавлял управления промышленности и инноваций Минпромторгинвеста РД. «Продукция большинства крупных промышленных предприятий республики, — говорит он, — не рассчитана на повседневный потребительский спрос, поэтому контракты на поставку продукции носят долгосрочный характер. Это в определённой степени снижает риски, связанные с общим снижением деловой активности из-за распространения коронавирусной инфекции и падением спроса на промышленную продукцию.

В то же время предпринимаемые карантинные и противоэпидемические меры, конечно, не могут совсем не влиять на активность промышленных предприятий. Это и необходимость выплат зарплаты при остановке отдельных производств, и затраты на приобретение дезинфицирующих материалов и обработку помещений, и приобретение необходимого медицинского оборудования. Всё будет зависеть от дальнейшего распространения инфекции. При ужесточении карантинного режима многие предприятия с непрерывными производствами могут ограничить работу для лиц пожилого возраста. А поскольку они составляют немалую долю в их кадровом со-

ставе (причём, это в основном высококвалифицированные специалисты), то последствия могут оказаться весьма печальными».

— Абсолютно согласен с Магомеднаби, — поделился своим видением ситуации директор завода им. Гаджиева Абдулвагаб Папалашов. — Из 648 рабочих завода более 300 пенсионеры и инвалиды. Мне самому 73 года, Геннадия Локтеву — 84, Абдулу Шейхову — 85. Если наши ветераны не смогут работать, не знаю, что мы будем делать. Ведь помимо непрерывных производств мы должны обеспечивать коммунальными услугами микрорайон рядом с заводом, который к городским сетям не подключён. Мы их обеспечиваем теплом за счёт своей котельной, подаём электричество, газ. И на всех участках работают люди в возрасте. Раньше говорили «ветераны», сегодня говорят — группа риска.

Что же касается последствий кризиса... Если бы до начала пандемии мы работали стабильно, были загружены заказами, не испытывали бы финансовых проблем, уверен, эти месяцы мы бы проскочили достаточно безболезненно. Но, увы, все последние годы мы в буквальном смысле выживали. Смотрите, у меня на складе скопилось продукции на 144 млн рублей. Связано это с тем, что заказчики — Северная верфь, Зеленодольский завод имени Горького, Восточная верфь и другие, месяцами не переводят нам деньги. Говорят, что в прошлом году Медведев поздно подписал распоряжение о финансировании гособоронзаказа, и поэтому деньги к ним не поступили.

При этом кредиторка у меня приближается к 70 млн рублей. Материалы-то я затратил, газ, электроэнергию потреблял. Зарплату, наконец, платил. А раз платил зарплату, должен сразу отдать все налоги (на 1 рубль зарплаты я плачу 43 копейки налогов). И теперь я, естественно, всем должен: газовики начисляют пени, электрики подают иски и тоже начисляют пени. Налоговики арестовывают наши счета и все поступающие деньги забирают в счёт налогов.

Так что к началу кризиса я подошёл с заблокированными счетами, не имея на руках оборотных средств. А теперь скажите: с каких доходов я должен платить неработающим людям зарплату? Вместе с налогами это примерно 26 млн рублей в месяц. Два-три месяца такого недокарантина и мы окажемся банкротами.

И такая ситуация на большинстве наших предприятий — у кого чуть лучше, у кого чуть хуже. Так что всё будет зависеть от того, насколько продлятся эти «каникулы». И я особо не удивлюсь, если руководители некоторых предприятий начнут увольнять работников.

К слову, прогноз Папалашова оказался верным. Буквально после разговора с ним ТАСС со ссылкой на информацию республиканского Минтруда сообщил, что «по состоянию на 1 апреля 83 предприятия Дагестана уже заявили о предстоящих увольнениях более 2,7 тыс. работников. Под риском увольнения находится более 1,9 тыс. работников, в том числе сотрудники промышленных предприятий ОАО «Завод Дагдизель», ООО «ДагестанСтеклоТара», ОАО «Завод стекловолокна», ОАО «Каспийский завод точной механики» и других».

Агропром

Труднее всего оказалось получить комментарий у представителей Минсельхоза. Практически никто из чиновников не захотел рассказать о том, как ситуация с коронавирусом отразится на работе дагестанских аграриев. В итоге пришлось расспрашивать тех, кого карьерные вопросы давно уже перестали волновать.

— По большому счёту, — считает **Мурат Шихсаидов**, в своё время возглавлявший агропромышленный комплекс республики, —

нынешняя ситуация для дагестанских сельских тружеников может стать благом. Хотя бы потому, что в эпоху любых кризисов люди покупают не машины и квартиры, не одежду и дорогую технику, а продукты питания. Это, во-первых.

Во-вторых, закрытие внешних границ очистило наш рынок от импортных овощей и фруктов. А значит, освободило нишу, которую можно будет заполнить продукцией, произведённой в Дагестане. У нас ведь огромное количество плодоовощной продукции из республики вывозится. Теперь всё это имеет шансы попасть на наши рынки, особенно в случае, если карантинные меры будут усиливаться, и субъекты начнут закрывать границы. В любом случае своих фруктов и овощей нам хватит, а

без киви и бананов мы как-нибудь проживём.

Отдельный разговор о молоке и мясе. По этим позициям у нас традиционное отставание — для ликвидации дефицита мы вынуждены регулярно завозить в республику большое количество мясомолочных продуктов. И если по мясу эту брешь ещё можно закрыть, особенно если приостановить собственные поставки в другие регионы, то с молочными продуктами такого не получится. Это к слову о продовольственной безопасности региона.

Считаю, что это достаточно явный сигнал нашему Минсельхозу. В конце концов, при помощи субсидий можно достаточно легко мотивировать сельхозпроизводителей на выращивание той или иной продукции. Особенно если выделять деньги не на гектары и головы овец, а на конечную продукцию.

В последнее время все вокруг говорят, что основой экономики Дагестана должен стать туризм. Думаю, нынешняя ситуация с коронавирусом расставит точки над *i*. Дагестан — аграрный регион, и судьба нашей экономики всегда будет зависеть от того, как работают сельские труженики.

И ещё один момент. По старой памяти мне звонят многие руководители хозяйств, жалуются на трудности. В последние дни большинство звонков о том, что милиция тормозит транспортные средства, занятые доставкой запчастей, семян. Неделий раньше жаловались на мелиораторов, которые на месяц задержали подачу воды на поля. Это обычные наши дела, но в эпоху кризисов поддержка агропрома должна усиливаться многократно, и каждый такой случай должен становиться предметом вмешательства правительства. Тем более что у селян в отличие от жителей городов никаких каникул не будет. Весенне-полевые работы никто не отменял и не отменит.

Строительство

Строительная отрасль из-за вынужденных каникул уже несёт огромные потери. Но основные её беды впереди. Эксперты уже анонсировали снижение продаж жилья и падение стоимости квартир в России (уже в апреле цены могут снизиться на 10–20 %). И чем дольше будут длиться «каникулы», в ходе которых малоимущие россияне потратят последние деньги, тем больший кризис ожидает строительный бизнес.

Комментируя сегодняшнюю ситуацию, известный дагестанский строитель **Омар Омаров** отметил следующие моменты:

— В Дагестане все стройки остановлены. Пока никто не работает. В Москве, кстати, ситуация совсем другая. Там ни одну стройку не остановили. Посмотрите, в Интернете есть выступление депутата Мосгордумы Павла Тарасова, который говорит про некое решение власти, которым прикрываются московские строители. У нас же официально работает всего одна стройплощадка — в районе ипподрома. Там строители возводят жильё для военных моряков и их, очевидно, коронавирусом не берёт...

Самое печальное, мы не знаем, сколько продлятся нынешние каникулы. Не можем принять решения, минимизирующие наши потери. Месяц, два, а может, дольше. Слышал разговоры о том, что всё может остановиться на полгода. А это совсем другие горизонты планирования и, соответственно, совсем другие решения.

Пострадают все. И те, кто взял серьёзные кредиты, и те, кто строит за счёт собственных средств. Сегодня система эскроу-счетов подвергается жесточайшему прессингу. Представьте, люди вложили деньги в банк и порционно получают кредиты. Проценты по ним никто не отменял, они продолжают набегать. А стройки при этом стоят. Надеяться на помощь государства бесполезно: все потери лягут на плечи строителей. Плюс обязательства по выплате зарплат на время вынужденных «каникул». В общем, все очень скоро уйдут в минус и восстановятся очень нескоро. А некоторые этот кризис вообще не переживут.

Вскоре после беседы с Омаровым в сетях начали появляться сообщения о том, что на некоторых строительных площадках в Махачкале застройщики возобновили работы. Пока неясно: это личная инициатива владельцев бизнеса или у них на руках имеется дагестанский аналог «письма Бочкарёва». Редакция журнала «Дагестан» будет следить за ситуацией.

Общепит, туризм и другие пострадавшие

Сектор общепита в дагестанском малом бизнесе является наиболее развитым, поэтому остановимся на нём особо. Рестораторы и владельцы кафе от карантина пострадали первыми. Только в Махачкале и Каспийске насчитывается 211 ресторанов, а кафе — 464. Плюс банкетные залы, которых только в Махачкале больше семидесяти. При этом крупный ресторан опосредовано обеспечивает работой до 1000 человек (поставщики продукции, водители, обслуживающий персонал и т. д.). Иначе говоря, только в Махачкале, где имеется 44 крупных ресторана, работу потеряют около 40 тысяч человек. На самом деле цифра эта будет на порядок меньше, поскольку один фермер может поставлять свою продукцию сразу в десяток ресторанов. То же самое касается и таксистов, и представителей других профессий, имеющих лишь косвенное отношение к ресторанному бизнесу. Если же говорить о постоянной работе, то её в Махачкале (с учётом многочисленных кафе) в период карантинных мер потеряют примерно 10 тысяч человек.

При этом многие из них (с учётом специфики оплаты по факту выхода на работу) не будут получать зарплату в период вынужденных «каникул».

Пострадают и владельцы заведений, вынужденные платить аренду (ослабление получают лишь те, кто арендует помещения, относящиеся к государственной и муниципальной собственности). Нет, от оплаты их не освободят, они лишь получат отсрочку. Но в конечном-то итоге пострададут практически все.

К слову, именно рестораторы одними из первых в стране подняли проблему «необъявления ЧС», поскольку режим чрезвычайной ситуации позволил бы им объявить форс-мажор и перестать платить по договорным обязательствам.

Потери понесут и владельцы дагестанского туристического бизнеса, который от коронавирусного шока восстановится очень нескоро. Туристы, вопреки надеждам наших чиновников на перенаправление туристических потоков из-за закрытия границ, в Дагес-

тан сегодня не спешат. И эта ситуация, скорее всего, всерьёз и надолго.

России, по данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (WorldTravelandTourismCouncil — WTTC) угрожает потеря 1,1 млн рабочих мест в сфере туризма. В Российском союзе туристической индустрии (РСТ) говорят о том, что у множества туристических компаний заканчиваются средства на выплату зарплаты сотрудникам, уплату налогов и сборов, аренду помещений. «Речь идёт о более 4,5 тысячи туроператоров и более 20 тысячах турагентств. Не лучше ситуация в гостиничном бизнесе, а это ещё около 28 тысяч предприятий индустрии гостеприимства, не считая санаторно-курортных организаций и детских лагерей», — отмечается в обращении РСТ в администрацию президента.

По большому счёту, пострадал практически весь сегмент дагестанского малого и среднего бизнеса, за исключением продуктового и аптечного секторов. И в этом Дагестан ничем не отличается от остальных регионов, где многие владельцы малых предприятий начали готовиться к уходу с рынка. Пресса со ссылкой на руководство Торгово-промышленной палаты пишет, что «в случае затяжной ситуации вокруг вируса прекратить деятельность могут около трёх миллионов предпринимателей. Рискуют потерять работу более 8,6 миллиона человек. По подсчётам ТПП, примерно треть предприятий сможет работать в нынешних условиях ещё примерно один квартал. При этом около половины из них не смогут снова открыть свой бизнес в ближайшее время, а у некоторых есть риск обанкротиться».

Подводить итоги нет необходимости — они очевидны. Без помощи государства, которую, это уже очевидно, страна вряд ли дожждётся (анонсированная помощь ближнему кругу не в счёт), практически вся российская экономика в пору коронавирусного карантина откатится на много лет назад и на докризисный уровень выйдет очень и очень нескоро. А с учётом того, что развитые страны в спасение собственной экономики вложат громадные средства, Россия в гонке мировых держав в очередной раз окажется на обочине — верхом на сильно подешевевшей бочке с нефтью и с ядерной ракетой на плече.

Тамерлан Магомедов

МАИР ПАШАЕВ: «ЭФФЕКТ ГДЕ?»

Республиканские СМИ регулярно рапортуют о запуске в республике новых проектов, о привлечении инвесторов и об улучшении экономической ситуации в целом. Независимые эксперты, в свою очередь, эти данные традиционно подвергают сомнению или откровенно критикуют.

Именно наличием своего независимого мнения известен экономист Маир Пашаев, с которым мы и решили обсудить современную ситуацию в мире, в стране и, конечно в нашей республике. Неожиданно оказалось, что его взгляды не особо расходятся со взглядами сторонников государственной экономической доктрины.

— Когда мы договаривались об интервью, вы сами обозначили интересные вам темы: текущий экономический кризис, нефтяной рынок, переструктурирование мировой экономики.

— Говоря о современной мировой экономике, надо понимать, что глобализация уже достигла такой стадии, когда не может в каких-то отдельных странах быть плохо, а в каких-то хорошо. Если наступает кризис, то он поражает всю мировую экономику. И это происходит всё чаще. Последние кризисы показывают, что циклы изменились. Уже не 12-летние кризисы, а фактически 6–8-летние. Мы видим три кризиса подряд — циклы сокращаются, и время выхода из кризиса тоже сокращается. Понижательный тренд 6–8-летний, и повышательный всего год–два. Текущий кризис фактически был предсказан на конец 2020 — начало 2021 года, но спусковой крючок, так называемый триггер, сработал раньше времени.

Кризис на самом деле мировой и более глобальный, чем был в 1998, 2008, 2009 годах. Потому что из-за сокращения циклов и быстрого выхода из кризисов проблемы не успевают решаться, они никуда не уходят, а просто накапливаются. И через какой-то период времени выстреливают. Сейчас срабатывают все отложенные проблемы 2008–2009 года. Тогда кризис быстро удалось погасить, кстати, и в России тоже. Путин, который был председателем правительства, в буквальном смысле залил экономику деньгами и погасил тот пожар.

— Но вы сейчас прогнозируете более мощный кризис?

— Конечно! Все отложенные проблемы никуда не деваются. Два кризиса — в 2008 и 2014 годах, мимо нас пронесли практически незаметно. Сейчас более фундаментальное и более глобальное кризисное явление, более глобальное падение будет и в связи с коронавирусом. Напомню, ВВП многих

стран на $\frac{2}{3}$, а некоторых стран и на $\frac{3}{4}$ и более составляет рынок услуг. И для них коронавирусная эпидемия — экономическая катастрофа. Но рынок услуг тоже разный. К примеру, возьмём ВВП США, где в рынке услуг более половины занимает финансовый сектор, который сейчас обваливается не так сильно, как другие отрасли — порядка на одну треть. Но есть рынки, которые обвалились полностью, практически на 100 %. Это рынок туризма, рынок развлечений, спорта и так далее. Даже у нас в Дагестане сегодня закрыты все развлекательные места, рестораны, кафе.

— **Грубо говоря, сейчас будет проседать всё, без чего человек может прожить?**

— Да! Мы видим Барселону, это культовый город туризма. Это донор всей Испании. Невозможно было представить экономику Испании без Барселоны. Не только Каталонии даже, которая вся целиком донор. Ведь почему Каталония хотела выйти из состава Испании? Потому что была очень богата за счёт туризма, спорта. Сегодня мы видим пустую Барселону. И это катастрофа всей Каталонии. Без государственной поддержки за счёт ресурсов менее богатых, но и менее пострадавших от кризиса регионов восстановить имидж туристического центра невозможно.

Барселона-то никуда как сокровищница, жемчужина мировой цивилизации не денется, но туристический рынок прежний, даже наполовину, восстановить практически будет невозможно. Уже не будет такого вала туризма. Почему? Потому что люди реально обнищают в связи с кризисом, будет не до туризма.

— **Вы прогнозируете, что общество потребления как явление себя изживает?**

— Экономика меняется. Да, можно сказать, что экономике потребления настал конец! Почему? Здесь мы плавно переходим к рынку нефти. Понижательный тренд нефти начался не сейчас. Ни Сечин, ни Путин — они вообще ни при чём. Понижательный тренд нефти наблюдается с 2014 года, когда со 147 долларов на пике цена за баррель снижается до сих пор. Никто не мог никак эту ситуацию искусственно создать. Ни

ОПЕК, ни какие-либо сделки, сговоры и тому подобное. Понижательный тренд — глобальный. Снижается потребление — цены на нефть снижаются. Мы ведь переживаем очередной виток технологической революции. Начиная с перехода к массовому производству электромобилей. Уменьшается производство пластика. Нанотехнологии сработали, сработала переработка вторсырья.

Эти тенденции глобальные, а текущий понижательный тренд начался в четвёртом квартале 2019 года по причине аномально тёплой зимы. Резко упали цены на газ, ещё в октябре–ноябре начали падать. Потому что в сентябре–октябре начинают закупать запасы газа на зиму. В течение четвёртого квартала 2019 года цены упали на 40 %, они потянули нефть. А собственно обвал начался в феврале, ещё до мартовского пика коронавируса.

Есть так называемая справедливая цена рынка на нефть, которая включает в себя себестоимость и небольшую маржу. Процент двадцать. И справедливая цена рынка была объявлена ещё в тот кризис 2014 года, когда нефть, как мы знаем, достигла двадцати пяти долларов. Сейчас она опустилась ниже двадцати пяти. И это подлинный кризис.

— **А какова сегодня справедливая цена?**

— 25–30 долларов! Почему-то все считают, что цена на нефть должна быть высокая, однако дешёвая нефть лучше для мировой экономики, лучше для производства в целом. У нас, к сожалению, цена на бензин не опускается. Но в США в пересчёте на рубли бензин теперь стоит 21 рубль за литр, а ведь совсем недавно цена была примерно одинаковая — у нас 45 и у них 45. Соединённые Штаты потребляют практически половину мировой нефти. Китай больше начинает потреблять, резко увеличив в последние годы закупки нефти и газа. И при справедливой цене мы всегда на этом спросе заработаем.

— **Как этот кризис повлияет на Россию?**

— Начнём с положительных моментов. То, что курс доллара поднялся, это хорошо для правительства. При 30 долларах за баррель — курс примерно 80 рублей за доллар.

Недавно нефть была по 24 доллара, так курс доллара поднялся до 83 рублей. Если нефть упадёт до 20 долларов, то курс, вероятно, поднимется до 90 рублей. Бюджет в итоге получает больше рублей. Внутреннее производство заодно стимулируется. Конкуренентоспособным становится наш экспорт. Наши товары становятся конкурентоспособными и по отношению к импорту на внутреннем рынке: они дешевле, чем те, что мы покупаем за доллары.

Кроме того, государство накопило огромные деньги в Фонде национального благосостояния. У нас в кризисном 2008 году было всего лишь 5–6 триллионов рублей в запасе. Путин тогда взял на себя ответственность и за четыре года их потратил. Сказал — мы ещё накопим. Сейчас у государства золотовалютные резервы 570 миллиардов долларов, это в пересчёте на рубли более 40 триллионов, ещё столько же — где-то 35–40 триллионов — распределены на счетах Минфина в виде бюджетных профицитов, на счетах госбанков, институтов развития. Они раскиданы, но они контролируются, ждут своего часа. По отношению к своей общей денежной, рублёвой массе у нас самые большие в мире резервы. Поэтому рубль сейчас считается самой стабильной гарантированной в мире валютой. По отношению к своей массе, не по отношению к размеру экономики.

Почему США, имея продолжительное время госдолг 23 триллиона долларов, печатает их и может существовать как государство, хотя, казалось бы, является государством-банкротом? Только за счёт размеров своей национальной экономики, только за счёт глобальной интернациональной экономики и взаимных связей. Когда у нас едва ли 2 миллиона субъектов экономики, в США — 15 миллионов единиц; и представьте себе связи вот этих пятнадцати миллионов между собой. Получается в десятки раз больше связей. Экономика прочна за счёт своих связей. Они работают независимо от государства.

У нас же, во-первых, количество единиц участников экономики меньше, связей несоизмеримо меньше и многие связи заиклены на государстве. Как только государству плохо — всем плохо становится. В Соединённых Штатах не так — там государству всё время плохо, но мы видим примеры, когда транснациональные корпорации достигли капитализации в триллионы долларов. Сейчас они потеряли чуть ли не половину своей капитализации, что тоже было прогнозируемо. В первую очередь падает то, что надуту. Раньше говорили, что они сосредоточены в сфере ипотеки, деривативов, ценных бумагах. Сейчас экономисты насчитали разные «пузыри» в двадцати сферах.

— Это в американской экономике?

— Не только, вообще в мировой экономике, в том числе и нашей и в китайской. Наши так называемые денежные резервы, которые я приводил в пример — это тоже пузырь, эти деньги надо утилизировать. Их нельзя оставлять, они дают экономику. Сейчас для этого включают адресную помощь предприятиям и населению, запускают тринадцатый нацпроект — «Комплексное развитие инфраструктуры территорий». Деньги должны работать. Поэтому и говорят о необходимости комплексного подхода. Но это больше относится к отдельным территориям, там есть перечень территорий, который попадает под этот проект. Сибирь, Дальний Восток, Север...

— **Мы поговорили о позитивных для нас последствиях глобального экономического кризиса, теперь давайте вернёмся к негативным.**

— Сейчас последствия — это увеличение безработицы. Снижение, причём резкое снижение доходов населения. Банкротство, в первую очередь, малых предприятий, у которых фактически нет запаса прочности. Они могут моментально закрыться, что мы уже сейчас наблюдаем. Мелкие предприятия начнут схлопываться, в том числе из-за банкротства крупных. Потому что банкротство какой-то крупной компании — это банкротство её орбиты, где крутятся 50–100 мелких компаний: что-то покупают, что-то продают. И начинается эффект домино. По оценкам Торгово-промышленной палаты до 3 миллионов субъектов экономики прекратят работу. В плане занятости десятки миллионов человек останутся без работы, поэтому сейчас задача государства — поддержать доходы граждан. Не допустить скатывания в нищету. У нас и так за чертой бедности 18 миллионов человек.

— **Почему же Путин обозначил, что доход в 17 тысяч рублей на человека — это уже средний класс?**

— Это слова, условные какие-то обозначения, а есть реальное положение дел. И даже допустим, что 70 % — средний класс, но остальные 25–30 % — о них надо думать. О бедных слоях населения. Не о среднем классе надо сейчас думать, он тоже постра-

дает, хотя и его надо поддерживать. Там тоже должна быть помощь. А о тех людях, которые вчера покупали картофель за 17 рублей, условно говоря, а сегодня — за 45. Это безработица — однозначно, это банкротство компаний — однозначно. Невозможно потом даже за год, за два восстановить. Так быстро не восстанавливаются. Ты закрыл предприятие — всё, ты больше уже не хочешь этим заниматься. На уровне мотивации уже кризис происходит.

В результате пострадает ВВП в России, будет проседать в течение как минимум текущего 2020 года. Бюджет России пострадает, он уже уходит из профицита в дефицит, процесс уже пошёл. Значит — пострадают бюджеты регионов. Так, как раньше раздавали деньги, раздавать уже не будут. К примеру, у нас в бюджете Дагестана едва ли не 100 миллиардов из центра, хваленые 139 миллиардов. Субсидии, субвенции. Собственных у нас — меньше 40 миллиардов.

Пострадает реализация нацпроектов. А почему? Потому что многие наши проекты сопряжены с бизнесом, многие нацпроекты сопряжены с инвестициями. У них задача была вытягивать на себя софинансирование частного бизнеса, инвестиционное финансирование. Они тоже просядут. Инфляция вырастет — это тоже макроэкономический показатель.

— **Но вы сказали, что больше позитивных...**

— Позитивных чего? Все говорили, что государство сидит на нефтяной игле, хотя у нас не весь бюджет нефтяной, а только на одну треть. Вот вам прекрасная возможность соскочить с нефтяной иглы. Чем не возможность? Почему критикуют низкие цены на нефть? Ещё вчера большинство критиков говорили, что Путин якобы присваивает сотни миллиардов долларов, которые идут в виде суперприбылей. Но там нет суперприбылей, нефтяной сектор выживал всё это время, за исключением нескольких лет, когда баррель превысил 100–120 долларов. Нефтяной сектор выживает точно так же, как и другие сектора. Там всё время требуются огромные средства: если ты сегодня не будешь инвестировать — через

5–10 лет ты не получишь нефть. Объём добываемой нефти снижается, если сегодня ты не вкладываешь. Новые месторождения и новые технологии требуют колоссальных вложений.

— **Хорошо, у нас есть возможность сейчас соскочить с нефтяной иглы. Лично вы какие видите отрасли в экономике России сегодня?**

— У меня есть большой доклад «Стратегия опоздавших к развитию», подготовленный совместно с Фадиком Мугуловым. Там написано чёрным по белому, что производство всегда — всё равно, при развитии любых других секторов — остаётся основой экономики, базисом экономики; и другие сектора считаются едва ли не паразитическими от производства. Как они могут существовать? Кризис 2008–2009 годов первым поразил туристический комплекс: Грецию, Италию, Испанию, Португалию. Греция в 2008 году — это достаточно большое государство с 50-миллионным населением; в Греции не было ни одного производителя носков, это такой живой пример. Почему? Потому что зачем нам производитель носков? Будем покупать в Китае, в Турции. В итоге остались ни с чем. Повторюсь, производство всегда остаётся базисом экономики.

— **На что делать ставку? На лёгкую промышленность? Машиностроение? Что?**

— Надо понять, что экономика перестанет существовать в том формате, который мы знаем — глобальная, централизованная, замкнутая на Китае и США, на транснациональных корпорациях и так далее. Экономика будет реально конкурентная, многоукладная. Предвидится многоукладная экономика. И в этом новом укладе все недостатки нашей экономики, российской в целом, дагестанской — в частности, вдруг становятся её преимуществом. У нас и так мелкоконтурное производство, у нас и так многоукладная экономика, фактически не капитализм, у нас рыночная экономика, но у нас не капитализм. У нас социальное государство по Конституции, и те недостатки — большое количество малых пред-

приятий, большое количество ЛПХ. У нас 88 % сельской продукции производится в личных подсобных хозяйствах, там небольшой процент фермерских, только там 3–5 % крупных хозяйств, уже не осталось крупных хозяйств в Дагестане. Ну, ГУПы есть, но многие из них дохлые — больше долгов, чем производства. И вот такой уклад экономики, как у нас. Большая конкуренция малого бизнеса, в частности можем наблюдать ее в Махачкале. У нас не так много крупных предприятий. Если даже какое-то небольшое предприятие сейчас закрывается, оно может быстро потом открыться, когда восстановится экономика. Если какая-то крупная компания обанкротится — она не сможет быстро восстановиться. Такую компанию создают десятилетиями.

Нефтегазовая отрасль в мировой экономике занимает 12 %, туризм 11 %, автомобилестроительный рынок 10 %. Это три крупных рынка, они связаны между собой и начинают уже обваливаться. Меньше будут покупать автомобили, меньше ездить, а значит, просядет и туризм. В итоге получается, что те страны, которые менее развиты, те отрасли, которые менее развиты — они меньше падают. Мы меньше падаем, у нас база низкая была. Это и есть эффект низкой базы, когда ты идёшь на рост, ты быстро растёшь, а когда падаешь — то меньше падаешь. В России именно такая ситуация — у нас максимально диверсифицированные ресурсы, у нас максимально диверсифицированная экономика, максимально диверсифицированное производство. Мы производим практически всё! Плохо или хорошо, мало или много — это другие вопросы, но Россия производит практически всё, за исключением некоторых отраслей, практически весь спектр продуктов, за исключением высокотехнологичных.

— **Сейчас нужно сказать слово «импортозамещение».**

— Это импортозамещение раньше насаждали сверху, а сейчас реально будет происходить импортозамещение снизу. Если помните, буквально совсем недавно к нам завозили хлеб, к нам завозили напитки. Сейчас тоже завозят, но у нас, по крайней мере

хлеб, сейчас уже не завозят. С точки зрения экономики это вообще было дико. Сейчас у нас, слава Богу, не продают привозной хлеб.

У нас в Дагестане около трёх десятков некогда крупных предприятий, они сохранились. И здесь мы приходим к пониманию, что нам не обойтись без широкой антикризисной правительственной программы, которая уже разрабатывается. Насколько она будет профинансирована и как будут распределяться финансы — это уже отдельный вопрос. Это как в жизни. Когда ты заболел и приходишь к врачу, он назначает иглокальвание, а медсестра в процедурном кабинете тебе говорит: «Извините, игл не привезли, давайте общий массаж делать». Примерно такая же ситуация и в экономике. Если вместо иглокальвания, вместо точечной, адресной помощи будет массаж, то результата не добиться.

— Давайте озвучим наши хотелки. Антикризисную программу Маира Пашаева.

— Можно вспомнить республиканскую антикризисную программу 2009 года, которая после многочисленной, в том числе и нашей критики, в итоге всё-таки была принята правительством. Там было аж семь разделов, десятки подразделов, в подразделах ещё пунктики. В итоге та антикризисная программа не была выполнена даже на 1 %. Сейчас вновь есть такая же опасность: принимаем обширную, широкую программу, которая в итоге не будет реализована.

Однако реализация этой программы очень важна. Прежде всего, она должна быть направлена на поддержание спроса, на поддержание потребления, на адресную помощь населению, именно тех слоёв, которые пострадали из-за повышения цен на картошку, макароны, крупы и так далее. Мы можем увеличить пособие по безработице. Можем же — реально. В условиях безработицы оно должно быть на уровне прожиточного минимума. Это же элементарно: человек не работает, на что-то он должен жить? Такая финансовая помощь скажется на развитии экономики через спрос. Люди пойдут и купят в первую очередь лук, который подорожал почему-то в два раза, гречку, которая в два раза подорожала, картофель,

который чуть ли не в три раза подорожал. И это поддержит нашего сельхозпроизводителя. Это элементарные такие способы. По большому счёту — на текущий год, может, на полгода, на три месяца — должен быть мораторий, когда приостанавливают арендные платежи, налоги, НДС. Есть многие платежи, которые можно вообще списать. Если не списать, то отсрочить, отложить. Ввести налоговые каникулы. К примеру, если ты арендуешь у государства, то вообще можно списать на три месяца, а там и на полгода как минимум. Призвать основные сегменты. Мы же пытались регулировать банкетные залы, рыночный сегмент, заправки — частично это удавалось. Почему бы не начать прямое отслеживание цен? Никто не назвал ещё официально, на сколько за последние две недели повысились цены на гречку, картофель, макароны. Никто не контролирует и не воздействует.

— У нас вроде свободный рынок?

— Уклад жизни дагестанцев складывался тысячелетиями. Определённый уклад жизни сельского типа, производственного типа. У нас была внутренняя торговля, натуральный обмен. Вдруг этот уклад жизни буквально за последние 20–30 лет резко изменился. Мы перешли фактически к торговому укладу. У нас около половины экономики фактически, 27 % официально, составляет торговля. На самом деле с учётом теневого сектора экономики торговля никак не регулируется, не регламентируется, не контролируется, не планируется — вообще никак. Половина экономики у нас фактически выпала из поля зрения правительства. У нас изменилась в связи с этим структура экономики. Структура экономики — это самая инерционная штука. Она очень тяжело меняется, но если она изменилась, вот она сейчас устоялась — её и улучшить тяжело.

Поговорим сейчас о структурных преобразованиях, вот мы предложили правительству концепцию структурных реформ в сфере экономики. Месяц назад я лично вручил её первому вице-премьеру Гусейнову. Кстати, её можно применить и как антикризисную программу. В ней около двадцати пяти направлений. Мы готовы их отрабатывать. Берём, допустим, 30–40 промышленных предприятий, которые мы считаем более-менее крупными, они у нас все загружены на 5–10 % мощности. Нормальным считается, если предприятие загружено наполовину — это хороший показатель. Идеальный показатель — это 70 %. Мы уже можем отрабатывать каждое предприятие, увеличить физический объём выпуска. Это и есть ВВП. Мы можем отработать 40–50 таких значимых для ВВП предприятий разных. Это важно. У нас создано за последние годы с десятков разных технопарков, инвестиционных площадок, промышленных парков, ТОРов и так далее. Ни один проект не вышел на производственную стадию. Есть такие производственные проекты, которые начаты аж в 2012 году, — до сих пор туда вкладывают деньги. Мы что предлагаем? Одно направление я назвал — увеличить физический объём выпуска.

— **Какой смысл делать ТОСЭР, если у нас уже существующие предприятия не загружены даже на 10 %?**

— Есть интенсивный подход, а есть экстенсивный. Мы увеличиваем количество предприятий, в то время как у нас уже существующие не загружены. Увеличиваем количество инвестиционных площадок, технопарков и так далее. Мы предлагаем провести сплошной независимый аудит — не правительственный, это будет опять профанация — экспертный аудит всех текущих инвестиционных проектов. Их очень много, это достаточно большой сегмент. Дать своё заключение, дать не просто оценку, а дать экспертные рекомендации.

Во всех инвестиционных проектах, пускай даже и полностью частных, на первый взгляд, в том или ином виде участвует государство. Оно может предоставить земельный участок, создать инфраструктуру и так далее. И государство вправе получить реальную картину, а не ту, которую докладывают министерства, ведомства, агентства и так далее. В течение, допустим, 2020 года — это реально. И таких направлений более двадцати.

В том числе мы готовы проводить независимый мониторинг реализации национальных проектов. Мы знаем, что по итогам прошлого года вернули 8,4 млрд рублей. Если бы правительство потратило 8,4 миллиона рублей на независимый мониторинг и аудит, эти деньги мы не вернули бы в Москву — мы бы эффективно их потратили. Мы привлекли бы столько же инвестиций. Государство тратит рубль — рубль-два есть возможность привлечь по различным каналам финансирования, это реально. Вот три таких направления.

У нас же фактически ни одного эффективно действующего института развития нет. Ни одного внесистемного института развития тем более нет — а это нонсенс. Вот скажем, в классической рыночной экономике, в Калифорнии, в США, их около тысячи.

— **То есть сегодня предпринимателю со своим проектом прийти некуда?**

— Некуда, абсолютно некуда! А если ты и придёшь — то заволоkitят или потребуют откат в лучшем случае. То есть у нас рыночная экономика тоже никак не планируется, не проектируется. А это напрямую задача правительства. У нас ни одного канала, который

мы могли бы привести в пример, ни одного негосударственного канала инвестиций нет, у нас Махачкала живёт с нулевым уровнем инвестиций, это миллионный город.

— **Вы не с первой плеядой чиновников общаетесь в коридорах власти, есть ли сегодня реальные изменения в головах наших чиновников?**

— Нет, у нас в самой концепции структурных реформ чёрным по белому написано, что проблема развития Дагестана — это проблема отсутствия специалистов по развитию. Широкого слоя чиновников, нацеленных на практический результат — нет. Которые могут сказать: вот 2019 год прошёл, я сделал вот это, это и это. Единичные случаи, типа Дербента. Там тоже не без проблем, но там всё-таки проект должен состояться, так как там большие деньги, очень большие — 28 миллиардов.

— **Что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы такие чиновники у нас появились?**

— Начнём с обратного. У нас прошёл знаменитый конкурс, на котором набрали 54 человека. Из них где-то порядка 30 получили должности. Если бы в составе этих 54 были хотя бы 5 специалистов того плана, о котором мы говорим — специалистов по развитию экономическому, у нас была бы другая картина. Они были бы заметные, они бы уже где-то проявили себя. Однако ни одного. Был Хаджимурад Абашиллов, что-то делать пытался, тоже уволили, с нового года не работает. Я привожу опять-таки пример, его пример, почему? Потому что даже у него не получилось.

Допустим, наше правительство может признать, что не хватает специалистов по развитию, что надо их искать, набирать и назначать на должности. Но где их брать, если они заняты и получают хорошую зарплату. Они заняты. Те специалисты, о которых мы говорим, которые по-настоящему могут быть эффективны — их нет свободных! Вот в Махачкале, скажем, завтра решили восстановить винзавод, но его невозможно восстановить. Вы не найдёте ни технологов, ни микробиологов, ни инженеров. На примере Каспийского завода листового стекла это уже проходили. Потом мы говорим: а зачем привлекаете со стороны специалистов? Но ведь на Каспийский завод еле-еле — лишь наполовину — набрали наших дагестанских специалистов. Если завтра открывается какое-то предприятие в Махачкале, даже для него набрать 50–100 специалистов — огромная проблема.

— **По большому счёту я даже не о специалистах в профессиональном плане говорю. Я — о людях, которые честно хотят работать.**

— Честных людей большинство. Их очень много, достаточно.

— **Но почему они никогда не попадают в коридоры власти?**

— Нет такого целевого отбора. Это конкурс. Почему повторно не проводят? Один раз провели и больше даже не планируют. Он абсолютно не нужен, это не тот способ, не тот метод отбора кадров. Мы тогда ещё говорили, мы тогда предупреждали, что это стрельба по воробьям. Так и получилось.

Найда Хаспулатова

ХАСАВЮРТ: РЫНКИ, СТАРИНА И «ИТАЛЬЯНСКАЯ» РОСКОШЬ

Этот старинный город, основанный ещё в XIX веке, с самого начала был торговым. 30 лет назад именно Хасавюрт превратился в рыночную столицу всего Северного Кавказа, остаётся ею и сейчас.

У этого есть свои плюсы. Во-первых, в 90-е, когда дагестанцы помимо развала Советского Союза оказались ещё и в транспортной блокаде из-за войны в Чечне, эти рынки обеспечили их изобилием дешёвых продуктов и любых товаров. Во-вторых, сотни тысяч дагестанцев получили в самое тяжёлое время работу, завели бизнес — маленький, но свой.

Таковыми же явными были и минусы — внешне город превратился в сплошной базар. Из провинциального уютного зелёного города с досоветской и советской архитектурой, классическими парками и аллеями он переродился в монстра хаотичной застройки: каждый клочок земли, аллеи, фабрики, заводы заняли торговцы со своим товаром.

Но несколько лет назад Хасавюрт стал меняться.

Под сенью аллея

Единственная в городе площадь с памятником революционеру Зайналабиду Батырмурзаеву долгое время была запущенной, обросшей многообразными ларьками. В прошлом году её очистили, отремонтировали, уложили цветную плитку, разбили газоны, осветили. И площадь

города немало, администрация решила не отдавать их в частные руки. Хотя по закону объекты культурно-исторического значения не может разрушить даже собственник, всё же проконтролировать в нашей стране частника сложнее — слишком велик соблазн воткнуть очередную многоэтажку. Поэтому все исторические здания принадлежат муниципалитету: в старых особняках уже размещаются Дворец культуры, музей, педучилище.

Для того чтобы сохранить единый рисунок, аллеи в центре города решили реконструировать в стиле начала XX века. За последний год восстановлены бульвары на улицах Грозненская, Датиева, Магидова. И в Хасавюрте начал восстанавливаться подзабытый городской уклад — по обновленным паркам и аллеям с романтичными фонарями и скамейками стали прогуливаться вечерами горожане и приезжие.

стала одним из любимых мест вечерних прогулок. Стали хорошо видны недавно отреставрированные старинные дома, стоящие рядом.

Красивое двухэтажное здание с характерными карнизами и фризами построил купец Даутов в 1902 году. Дом является объектом историко-культурного значения и находится под государственной охраной. Охраняется и первый кинотеатр Хасавюрта «Спартак», возведённый в 1900 году. Сейчас в этом здании Дворец культуры. Подобных строений в центре

Постель по-итальянски

Те, кто покупал постельные принадлежности на дагестанских рынках и в магазинах, обязательно заметили бельё, одеяла, подушки марки с красивым названием «LaVantelle». У меня у самой такое одеяло уже несколько лет. Чьё оно, непонятно — красивое, качественное, но, судя по цене, явно неитальянского производства. Тайна раскрылась в Хасавюрте, который и оказался родиной изделий с итальянским названием.

... Пятиэтажное новое здание пока полностью не завершено — идёт внешняя отделка, по двору разбросаны стройматериалы, кучи песка и цемент. Но в цехах на всех этажах шумят станки, ряд швейных машинок самостоятельно вышивает на покрывалах симпатичных верблюдов. Остальные машинки не так самостоятельны — женщины за ними шьют разноцветные пледы, атласные одеяла, подушки. Мужчины, как всегда, руководят.

Гулжанат Адельбиева своей работой довольна: «Я здесь работаю три года, в месяц зарабатываю 25–30 тысяч, в зависимости от того, сколько заказов. Много желающих устроиться, все меня просят сказать, когда будет место».

Покупатели сами приходят за товаром: буквально на днях открылся огромный склад, где выставлены образцы. Вещи красивые и качественные, при этом современно упакованы — есть и прозрачные упаковки на молниях, многие вещи уложены в нарядные чемоданы из картона, которые будут достойно смотреться и как подарок, и в приданом. Понятно, в очереди стоят мелкие продавцы, крупные торговцы и партии заказывают соответствующие — сейчас на фабрике спешно шьют на заказ тысячу розовых атласных одеял.

Фабрику «Лавантель» 15 лет назад создал Ислам Гасаналиев вместе со своим братом, у брата — такая же в Махачкале. Заместитель директора Шамсудин Алиев рассчитывает, что объёмы производства будут расти:

«15 лет назад Гасаналиев арендовал один станок. И вот как уже выросло производство: сейчас у нас работают 55 человек. Закупили новые машинки на 20 миллионов, оборудование итальянское, покупаем в Москве. Хотим довести число работников до 100 человек. Основной покупатель — рынок, но мы и в интернет-магазинах продаём, в том числе и в самых крупных в России — Wildberries и Ozon. Самый большой спрос на одеяла. Одно время их поставляли в Армению, Казахстан, но потом наши таможенники создали нам проблемы. Ни разу государство нам не помогло, сейчас обещают дать субсидии на 10 миллионов за оборудование, если выиграем конкурс.

Швейное производство всегда было выгодным. Мы можем расширяться, если будут заказы — нам обещали министерства образования и здравоохранения. Раньше мы с ними работали, сейчас же очень трудно в гостендеры втиснуться. Вот в Махачкале главврача первой больницы взяли ведь как раз за махинации на тендерах. Мы можем довести объёмы продукции до 150 миллионов рублей, если будут госзаказы».

Лет 30 назад в Хасавюрте было 11 фабрик и заводов, все они сейчас закрыты. «Лавантель» — единственная фабрика в городе. На базе этой фабрики в Хасавюрте планируется создать индустриальный швейный парк с привлечением всех швейников региона.

Рынки, рынки...

Конечно, торговля кормит Хасавюрт. За товаром сюда съезжаются не только жители Дагестана, но и со всего Северного Кавказа. С самого его основания в 1846 году именно торговля была основным занятием местных жителей. После распада Советского Союза торговать в городе стали всюду — на улицах, площадях, газонах, на бывших фабриках и заводах. Покупка «контейнера» была заветной мечтой и гарантией благополучия почти всех хасавюртовцев. При этом в официальных отчётах

гом много стихийных рынков, мы обращаемся в полицию, администрацию города, чтобы закрыли незаконные рынки. К нам нет подъезда, нет подхода. Мясо нормально не завезёшь — много справок требуют. Может, требуют правильно, но ведь больше ни с кого, кроме нас, не требуют, потому что только у нас во всём городе статус рынка».

Женнет торгует на рынке рыбой уже 10 лет:

«Копейки зарабатываем, но другой работы нет, а кушать-то надо. Люди стали меньше покупать продуктов, денег нет, берут в основном путассу, минтай. Лосося и сёмгу в основном рестораны берут или суши-бары».

Женнет помогает сын, Исламу 23 года:

«Не знаю, как жизнь сложится дальше, но на рынке на хлеб с маслом хватает. Всё остальное в Хасавюрте — по знакомству».

Её сосед Курбан тоже замечает, что дешёвые продукты уходят быстрее:

в городе фигурировал всего один рынок, и налоги с торговли собирались мизерные. Но эти времена уходят в прошлое, на смену рынкам приходят торговые центры, где гораздо легче, удобнее и приятнее совершать покупки. Площади и аллеи очистили от любой торговли, да и люди обеднели, стали меньше тратить. Большую роль сыграла и легализация экономики. Много рынков закрылось, остальные скукожились и получили статус торговых баз.

Официально в городе работает только один рынок — Центральный. Он не похож на прежние грязные базарчики, здесь просторные чистые павильоны, современные магазины, но покупателей не много. Мурадхан Ибрагимов — директор, работает здесь 33 года:

«До развала Советского Союза здесь был продуктовый рынок, потом начали продавать и одежду.

Сейчас идёт отток покупателей: на прошлой неделе закрылись два магазина, где-то 50 процентов продавцов осталось. Покупательная способность очень сильно упала. Арендная плата у нас невысокая, на уровне 1997 года — вот магазин 40 квадратных 3 тысячи в месяц, а налоги требуют. И кру-

«Покупают в основном хек, скумбрию, минтай, сёмга хуже уходит, но есть клиенты, которые за ней постоянно приезжают. У меня ИП, в квартал плачу налоги 9500 рублей. Мне так намного легче, потому что я знаю, что будут больничные, пенсионный стаж, выручка 20–25 тысяч в месяц. Хотел бы свой магазинчик, но нужны вложения 2–3 миллиона, а где их взять?»

А детей всё больше

Самая новая, двадцатая по счёту школа построена в микрорайоне «Юбилейный». Большая и светлая, она рассчитана на 1000 учащихся, но за три года уже стала тесной. В школе тихо — идут уроки (коронавирус ещё не отменил занятий. — *Ред.*). У входа оживлённо разговаривает группа молоденьких учительниц. Для большинства это первая работа в их жизни, и им здесь очень нравится.

Узайри Корголиев, преподаватель института, был назначен директором школы № 19 сразу после завершения стройки:

«Микрорайон «Юбилейный» быстро растёт, поэтому поначалу было 800 учеников, в этом году их уже 1435, пришлось 5 классов перевести во вторую смену, в следующем году ожидаем ещё больше. Это первая школа в микрорайоне, раньше дети ездили в другие. Сейчас родители и дети очень довольны, потому что всё есть: актовъй и спортивный залы, бесплатное горячее питание для начальной школы.

У нас учатся только до 9 класса. В прошлом году были выпущены 72 девятиклассника, из них только четверо захотели продолжить учёбу, но понятно, что для такого количества открыть класс невозможно. Они говорят, что боятся ЕГЭ, а в колледжи и без ЕГЭ поступают. Наберётся хотя бы 15 желающих продолжить учёбу, откроем класс».

Самая плохая школа Хасавюрта тоже кардинально отличается от плохих школ в районах, где это просто старые сараи или сборно-щитовые здания. Школа № 14 в посёлке «Заречка» — типовое кир-

пичное здание, построенное в 1967, но из-за строительного брака по стене пошла трещина, которая только растёт и в длину и в ширину, через неё уже видно небо. Понятно, что учиться в такой школе крайне опасно, и сейчас основное здание закрыто.

Директор **Хамзат Ибрагимов** все эти годы пробует добиться, чтобы дети учились в безопасных помещениях:

«В 2003 — школу признали аварийной. В 2007 — по республиканской программе сделали сейсмоусиление левого крыла, потом программа закрылась, и центральную часть сделать не успели. По решению Ростребнадзора этот корпус полностью закрыт. Это единственная школа в посёлке, у нас 7 первых классов, 1318 детей ютятся в одном крыле, занимаемся в три смены. Если бы вовремя сделали ремонт, могли бы спасти здание, но сейчас трещины насквозь, поэтому его только под снос».

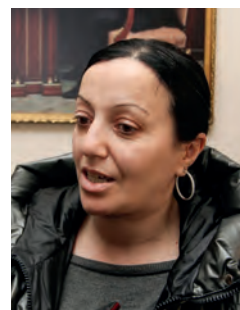

Будущие певицы

Центр традиционной культуры Хасавюрта встречает нас лезгинкой. Совсем маленькие дети зажигательно танцуют под строгим контролем руководителя. Это младшая группа детско-юношеского ансамбля «Хасавюрт». Ансамблю всего 15 лет, но он уже стал победителем нескольких международных фестивалей и конкурсов, успешно гастролировал в Испании, Франции, Италии. Создали ансамбль бывшие

солисты знаменитого ансамбля «Молодость Дагестана» Мадина Ахмедова и Залимхан Гамзатов. Многие маленькие хасавюртовцы мечтают танцевать в этом ансамбле. Малышей в фойе ждут их мамы, говорят, что дети с радостью бегают на занятия.

Дочке Аси Шангириевой всего 6 лет, но у мамы грандиозные планы: «Мне и дочке очень нравится это место — здесь красиво. Учителя — Бакира Булатовича — дочка очень полюбила; я хочу, чтобы она на сцене танцевала».

У Саихат Арсланалиевой три сына, и все они предпочли популярному в городе спорту культурное хобби:

«Я трёх мальчиков сюда вожу — 6, 9 и 11 лет, они очень любят танцевать дома, и их одноклассники посоветовали ходить сюда. Сначала одного сына привела, потом его братья тоже захотели, они все уже в ансамбле. Им нравится».

Идея организовать ансамбль возникла 15 лет назад у **Мадины Ахмедовой**, художественного руководителя «Молодости Дагестана». Уроженка Хасавюрта, став солисткой знаменитого ансамбля, захотела, чтобы такой же был и на её малой родине. Сейчас Ахмедова — заместитель директора Центра.

«У нас очень много хореографических студий. Молодёжный хореографический ансамбль «Хасавюрт» объездил много стран, лауреат международных фестивалей. Есть ещё народный ансамбль «Планета детства», вокальный ансамбль для взрослых, кружок прикладного искусства. В Центре традиционной культуры занимаются 500 детей в возрасте с 4 до 15 лет. Мы принимаем всех: это потом у многих детей раскрывается желание выступать, а кому-то надоест. Наша основная задача — привить детям любовь к нашему искусству, традициям, фольклору, вовлечь как можно больше молодёжи».

Дворец культуры «Спартак» расположен в одном из самых старых зданий города — кинотеатре «Спартак», построенном в 1900 году; внутри здания постарались сохранить старинный интерьер, хотя детей здесь приобщают и к

современной культуре. В маленькой студии девочки записывают фонограмму, готовятся к очередному выступлению. Это работает вокальная студия «Хрустальные звёздочки». **Хадиже Адиковой** 11 лет:

«Я два года хожу сюда, мечтаю стать певицей. Моя любимая песня «Showgirls» группы «OpenKids».

12-летняя Шуана Ибрагимова не планирует стать профессиональной певицей:

«Мне нравится петь, это меня вдохновляет, я сама решила сюда ходить. Мне больше нравится петь русские народные песни, любимая «Ой, встала я ранёшенько».

В «Спартаке» 12 студий и кружков. На тренировке студии современного танца «Mixdance» юноши и девушки студенческого возраста. **Атай Алиев** руководит театральной студией «Браво»:

«Детские студии у нас самые большие, они и участвуют везде. Самое популярное во дворце культуры — национальные танцы.

Наши дети талантливые, они могли бы очень хорошо развиваться. Но почему-то до 12 лет у нас детей развивают, а потом они все куда-то пропадают. Для детей это развитие — творческое, музыкальное».

Новые сети в старом городе

Зайнудин Окмазов был избран главой Хасавюрта в 2015 году. Когда-то работал в комсомоле, перед развалом Советского Союза был завсектором обкома ВЛКСМ, затем руководил частными бизнес-структурами, был депутатом Народного Собрания РД. Поэтому хорошо знал, что нужно делать главе города:

«За пять лет мы много построили, закончили «незавершёнки». Построили 19-ю школу, за счёт сэкономленных средств сдали три детсада. По программе «150 школ» капитально отремонтировали 10 школ из 20. Осталось 5 аварийных школ и столько же отремонтировать, и получится, что мы во всех школах провели капремонт.

Но рождаемость увеличилась, население Хасавюрта за 5 лет выросло со 139 до 145 тысяч. Из них 22 тысячи школьников, 17 тысяч — дошкольники. В некоторых школах уже трёхсменная, для односменного режима нужно ещё 10 школ по тысяче мест. Охват детсадами всего 20 %, нужно 10 садиков по 150 мест. Строительство идёт постоянно, в этом году начнём строить гимназию № 1. Планируем полностью снести 14-ю школу, и строить новое здание. В этом году спорткомплекс закончили, строим ещё один спорткомплекс — в Заречке.

Наше городское образование уже несколько лет подряд признаётся лучшим. При этом мы в та-

кой ситуации, когда у нас в городе нет участка для строительства детсадов, на 120 мест нужно по нормативам 85 соток. Пришлось строить их на территории школ. Хорошо, что есть посёлки, джамааты которых бесплатно предоставляют территории для школ и садов.

По спорту первое место получили, почти каждый год чемпионами мира становятся борцы нашего города. У нас развитая спортивная инфраструктура, охват физкультурой и спортом 46 %.

Все эти годы участвуем в программе «Комфортная городская среда». Город с претворением этой программы преобразился: отреставрировали площадь имени Батырмурзаева, отремонтировали подземный переход, разбили аллеи по улицам Грозненская, Датыева, Магидова, благоустроили 12 домовых территорий. В прошлом году обустроили 16 дорог, в этом планируем ещё 12. По этой же программе будем благоустраивать Парк Ялова, 3 парковых участка и, если деньги останутся, продолжим разбивать аллеи.

Самым главным я считаю, что мы смогли пробить проект реконструкции водоснабжения города. Туда входит замена всей инженерной коммуникации, реконструкция водозабора Акташ — это 7 заиленных озёр, там будут современные очистные станции. Протянут водовод от Сулака. Когда станцию запустят в эксплуатацию, можно будет воду из Акташа пускать. Есть у нас ещё Бешибулак с артезианской водой, нам выделили деньги на подготовку проекта модернизации. Все проекты готовы, проходят госэкспертизу. Как только закончат экспертизу, откроют финансирование. Без замены этих инженерных коммуникаций нет смысла что-то делать, они изношены на 80 %.

Начали готовить проект подготовки очистных и канализационных сооружений: их начинали строить, но с 2013 они законсервированы.

Почти всё строительство мы ведём по федеральным и республиканским программам, но мы почти вдвое увеличили и доходы города. Собственные налоги городского бюджета выросли с 205 миллионов в 2015 году до 390 миллионов в 2019 — в основном за счёт земельного налога: мы актуализировали более 5 тысяч земельных участков. У нас НДФЛ 25 % бюджета, у других муниципалитетов 50–60 %, а это самый лёгкий налог.

Город развивается: за последние годы построено 200 многоквартирных домов. Собираемся запустить инвестиционный проект, разработанный

Минпромом — зональный центр для изготовления изделий лёгкой промышленности.

Основа развития города — это торговля, предпринимательство. Здесь всегда были огромные рынки, у местных жителей торговля в крови, и расположение города очень удобное для этого — всем легко сюда доехать. В Хасавюрте нет свободной территории для строительства торговых комплексов. На рынках участки распроданы, они стоят на налоговом учёте. Но сейчас в городе строятся большие супермаркеты. Если они будут всюду в шаговой доступности, рынки уменьшатся.

В первую очередь нужно, чтобы каждый бизнес встал на налоговый учёт, те же предприниматели уже занимаются и благоустройством. Каждую неделю мы анализируем, кого поставили на учёт, и дальше работаем с налоговиками и полицией. У должников будем отключать электричество, газ, воду.

Я не вижу другого пути развития Хасавюрта: очень многие европейские города развиваются на основе торговли. Люди сами говорят — город стал более европейский, и намного чище. Сейчас собираемся свалку перенести за город и там построим мусороперерабатывающий завод, постепенно внедрим отдельный сбор бытовых отходов.

Владимир Васильев — первый глава Дагестана, который взялся за решение почти всех проблем, которые я озвучил: садики, школы, дороги. Дошёл черёд и до строительства объездной дороги, в этом году её начнут. Васильев внимательнее слушает людей, старается помочь. До этого же было такое негласное правило: Хасавюрту денег не давать, они и так богатые — там много рынков. Но и требований у главы к руководителям тоже много — прежде всего исполнение своих прямых обязанностей, для того чтобы горожане жили комфортно».

Хасавюрт, второй по величине город Дагестана, всегда оказывался в гуще экономических, политических, мировоззренческих событий. Город постоянно менялся, менялись люди, национальный состав, архитектура, экономика. Он всегда умел хорошо приспособиваться к запросам времени. Сейчас город вписывается в XXI век — благоустраивается, становится чище, обретая новое, «городское» лицо.

Фотографии
Руслана Алибекова

Влада Бесараб

В Дагестанском государственном театре оперы и балета состоялась премьера балета «Асият» по поэме Расула Гамзатова «Горянка». Постановка народного артиста СССР Олега Виноградова на музыку народного артиста СССР Мурада Кажлаева.

СТАРОЕ ВИНО В НОВЫЕ МЕХИ

В 1968 году Кажлаев и Виноградов воплотили первый дагестанский балет в Ленинграде на сцене прославленного Кировского театра. Спектакль имел успех, вывозился на гастроли (в том числе в Дагестан) и даже был удостоен Государственной премии РСФСР, но довольно быстро исчез из репертуара.

В 2003 году к 80-летию Расула Гамзатова «Горянку» на дагестанской сцене поставил заслуженный артист России Муса Оздоев. Тогда у молодого Театра оперы и балета ещё не было своей постоянной труппы. Постановка была реализована силами солистов ансамбля «Лезгинка», которые после премьеры, естественно, вернулись к основной работе, поэтому спектакль умер, едва родившись. Тем не менее,

зрителям он запомнился и его можно назвать этапным для развития театра, поскольку наработанный опыт пригодился на других проектах. Именно в «Горянке» на сцене театра дебютировал в роли Османа Юсуп Омаров. К удивлению многих, знавших его как балагура-кавээнщика, он оказался замечательным танцовщиком с незаурядным драматическим талантом (впоследствии он в полной мере проявится в заглавной роли в балете «Имам Шамиль»). Да и, в конце концов, специальное напольное покрытие для сцены, без которого танцевать невозможно, было приобретено в театр именно тогда, в 2003-м, и активно используется до сих пор. Так что о той «Горянке» не стоит забывать, наоборот, ею стоит гордиться.

Кстати, запись того спектакля есть в сети в свободном доступе, хотя качество оставляет желать лучшего. Ну так и технические возможности за семнадцать лет сильно изменились.

С литературной основой в этой постановке всё очень непросто. В программке чётко указано, что балет в трёх действиях — «по поэме Расула Гамзатова “Горянка”». На самом деле перед нами спектакль разве что «по мотивам»: в нём раскрывается идея прямо противоположная гамзатовской. Гамзатов воспевает освобождённую женщину гор, сильную духом незаурядную личность, которая тянулась к свету, к знаниям, не побоялась пойти против вековых устоев, против родительской воли и общины. Поэт не просто описал прин-

ципально новый образ горянки, а создал эту героиню, как Пушкин в своё время создал Татьяну! Вслед за Александром Сергеевичем, наделившим Татьяну всеми качествами совершенной в его понимании женщины-идеала, Расул предложил свой идеал современной горянки. И Асият действительно стала светлым символом для многих дагестанок, решивших однажды круто изменить свою жизнь. Затем понемногу изменилось и всё общество, стало казаться, что прежние адаты почти изжили себя. А потом пришёл XXI век, и оказалось, что нет, не изжили. И новый балет у Виноградова получился не о тернистом пути свободолюбивой горянки к свету знаний и личному счастью, а ровно наоборот — что не стоит и

пытаться на этот путь вступить, ибо возмездие неминуемо.

«Когда в последние годы во всём мире с новой силой и остротой звучала тема Востока, мне показалось, что «Асият» не может быть забыта...» — пишет Олег Виноградов в буклете, выпущенном специально к премьере. Казалось бы, при чём здесь Восток, когда действие происходит на Кавказе! Кавказ — это не Восток, а вольнолюбивая горянка — не безмолвная обительница сераля! Другой характер,

другой менталитет, другие мотивы и поступки были 50 лет назад, когда перед тем, как поставить в Ленинграде первый дагестанский балет, Олег Виноградов побывал в Дагестане — в горах, в старых сёлах. А сейчас исконно дагестанское во многих областях жизни подменяется и арабизируется. Виноградов моментально это считал и перенёс на сцену, поэтому и сместились акценты, поэтому и непонятны метания Асият. Куда она рвётся, дурочка, зачем бежит от своего счастья! Сама виновата...

Олег Виноградов значится и автором костюмов. Создавая эти глухие балахонистые наряды, он значительно облегчил задачу себе как хореографу. Да, конечно, необходима поправка на «традиции наших обычаев» и физическую форму балетной труппы (которая, за исключением солистов, совсем не балетная). Потому и приходится что-то изобретать, чтобы «тут прикрыть», «там задрапировать». Но не до такой же степени! Можно ведь надеть на сельчанок условные чоختо, оставив

(хореодраму), в котором литературная основа превалирует над танцем и зритель, увлечённый перипетиями сюжета, не особо вглядывается в тонкости хореографии. Этот жанр в 1930-х годах зародился именно в ленинградской балетной школе, и, естественно, близок Виноградову как её воспитаннику. Но опять-таки, с 1930–50-х годов прошлого века, когда такие постановки считались прогрессивно-революционными, искусство танца во всём мире прошло большой путь в своём развитии, значительно

открытыми шеями, можно подчеркнуть талию, укоротить платья, чтобы появился очерченный силуэт, проявилась изящность.

Женщин в «наглухо чёрном» за последние годы стало слишком много на улицах наших городов, не нужно выводить их на сцену. Потому что сидящие в зале сочтут это нормальным. И будут думать, что это и есть балет — когда задрапированные с головы до пят фигуры едва переступают с ноги на ногу. А это ненормально и это не балет!

По большому счёту Олег Виноградов поставил классический советский драмбалет

обогатилось, эволюционировало (в прямом смысле этого слова) и популярность драмбалета давно прошла. Нет, он не стал классикой, судя по тому, что балеты такого рода исчезли из репертуара театров (исключение — «Ромео и Джульетта» Прокофьева). Так почему же дагестанским зрителям в 2020 году нужно предлагать новую версию «отанцованной пантомимы и драматизированного танца»?

В эпизоде сватовства на сцене мы видим огромную массовку (привлекли даже артистов хора) — разномастная пёстрая толпа колышется, двигается, взаимодействует

(мизансцены выстроены отлично), аж в глазах рябит. То ли гала-концерт фестиваля «Горцы», то ли сцена из «Ханумы», где «За Курой шумит базар, // За базаром Авлабар. // Бесконечный и беспечный, // Шумный вечно наш Авлабар». Солистам в буквальном смысле негде развернуться — только маленький пяточок авансцены остаётся свободным.

Постановщик знает, как привлечь внимание зрителя, сделать так, чтобы он замечал то, что надо, и не очень фокусировался на том, что может вызвать лишние вопросы. Поэтому спектакль, несомненно, будет пользоваться успехом и собирать полный зал. Он получился ярким, красочным, с большой долей фольклора и всего того нашего «традиционно-дагестанского», как его понимает большинство дагестанцев, которые, едва заслышав мелодию «лезгинки», непроизвольно начинают притопывать и прихлопывать, уже не задумываясь над тем, насколько это уместно.

А оно не уместно! Каждый заштатный ансамбль республики считает своим долгом поставить «лезгинку», в которой

солистки, переодетые в мужские костюмы, в конце срывают папахи, демонстрируя эффектно рассыпающиеся по плечам водопады девичьих волос. Чтобы в очередной раз увидеть этот номер, зрителям не нужно идти в Театр оперы и балета. Все эти танцы с бурками, с саблями, с барабанами мы из года в год видим на многочисленных фестивалях-смотрках. Соответственно, всё второе действие спектакля и выглядит как пресловутый фестиваль-смотр: в нём нет драматургической основы, оно рассыпается на отдельные номера. Да, конечно, у композитора изначально такая музыка, и эта музыка прекрасна сама по себе, но в 2020 году к ней нужна какая-то иная хореография.

Итак, массовка создаёт антураж и общую атмосферу в очень красивых (опять-таки ярких) декорациях Ибрагим-Халила Сурьянова. В 2003 году за сценографию также отвечал Сурьянов, но тогда декорации были более аскетичными и даже суровыми.

За хореографию отвечают солисты. Самая балетная сцена в этом балете — дуэт Асият и Юноши (артист Осман Рустамов). Красиво поставлена вариация студентки, не сдавшей экзамен. Есть что танцевать и Арсену Курбанмагомедову: в роли Али, отца Асият, он создал цельный полнокровный образ. Ему под стать и Салман, отец Османа, в исполнении Магомеда Курбаналиева. А вот обе «матери» явно проигрывают, им или не до конца была ясна режиссёрская задача или попросту не досталось хореографического материала.

Заглавную партию репетировали сразу четыре танцовщицы. Автору этих строк удалось увидеть версию с Мариной Гусейновой. Ей удалось воплотить образ юной трепетной девушки, ставшей безвинной жертвой. Кажется, она сама испугалась своего порыва, когда сбросила свадебное покрывало — ей искренне жаль Османа. Её Асият изначально была обречена. Горянка Евгении Калинтеевой (именно эту версию мы видим на снимках нашего фотокорреспондента) демонстрирует осознанную жертвенность. Она действительно борется с пережитками прошлого, осознанно противопоставляя себя сельскому обществу. Какой была Асият в исполнении Клавдии Магомедгаировой (официальная

премьера была отдана именно ей), мы сказать не можем, поскольку данную версию не видели даже в записи. Будем следить за афишей театра — больно уж любопытно сравнить.

Обратимся к Осману. Эту партию исполняют Мургуз Гаджиев и Эльдар Ахмедов. И оба ну никак не похожи на мстительного злодея из поэмы Гамзатова, если уж продолжать считать её литературным первоисточником. Во-первых, у Гамзатова Осман на 14 лет старше Асият и уже одно это объясняет её нежелание выходить за него замуж. Именно Осман сообщает чабану Али о рождении дочери, за что и удостоивается от новоиспечённого отца обещания отдать Асият ему (отец, кстати, начинает жалеть об этом сразу, как протрезвел поутру). Но даже не разница в возрасте с женихом толкает Асият к бунту, а его характер и поведение, особенно, в отношении к женщинам. «Как всё ей противно в Османе: // Следы

*табака на усах, // Часы на цепочке в кармане
// И наглость мужская в глазах. // Во время
войны, по болезни // Став белобилетником, он
// Горланил похабные песни // Под окнами пла-
чущих жён» — читаем в поэме.*

Но постановщик намеренно отходит от образа этого отвратительного старого типа (и как тут вновь не вспомнить харизматичного Юсупа Омарова, воплотившего хоть и обаятельного, но злодея?!). Уже в самом начале балета нам показывают идиллические картины: Асият и Осман дружны с детства, вместе играют на цветущих альпийских лугах (совершенно очаровательны Хабиба Масуева и Магомедрасул Басраев в ролях маленьких Асият и Османа). И естественно, что отцы решают поженить детей.

Муртуз Гаджиев в дуэтах с юной невестой очень выразителен в образе влюблённого

юноши (до такой степени выразителен и искренен, что некоторые зрители, знакомые с сюжетом поэмы, недоумевали: «Ну это её жених, а где Осман?»). Он молод и горяч, но при этом совершенно не производит впечатление мстительного. Наоборот, явно видно, что лично ему эта месть не нужна: отправляясь в погоню за Асият, он лишь следует воле отца. Найдя её, он до последнего пытается уговорить вернуться. Ну а в финале так вообще рыдает над телом возлюбленной, что тот Ромео! Его по-настоящему жаль, в этом спектакле он такая же жертва, как Асият. И вообще, по логике вещей они вполне могли пожениться и уехать учиться вместе.

Но не случилось. Нет в этом тёмном царстве луча света, нет надежды — сплошной мрак средневековья. Мы получили именно такой балет, какой заслужили.

Фотографии
Альберта Гаджимагомедова

Светлана Анохина

ПЕРЕ- ПОДКЛЮЧЕНИЕ

«Когда директор Музея истории Махачкалы Зарема Дадаева предложила мне выступить с соло-перформансом в пространстве музея, я сразу решила пойти спать. Обычно мне снятся красочные, многозначные, а порой и драматичные сны, и часто из них вырастают сюжеты новых перформансов. На этот раз мне снилось, как я обнимаю маленькую девочку».

Так начинается авторский текст Наталии Мали к перформансу под названием «Энергия выживания». Мали родилась в Махачкале, выросла в Москве, училась в Соединённых Штатах и уже много лет живёт в Великобритании. В последний раз она приезжала в Дагестан в 2005 году по приглашению «Первой галереи», но пробыла всего пару дней. Сейчас же задержалась надолго.

Я хотела обнимать себя и баюкать, как ребёнка

— Мы с Заремой Дадаевой давно обсуждали идею сделать в Махачкале что-то с моим участием, — рассказывает Наталия. — Учитывая направление искусства, в котором я работаю, это, в принципе, несложно. Приезжает художник, он сам живой объект, что-то там делает, потом закончилось представление, аплодисменты, адью, занавес и художник уезжает. Но я оказалась слишком эгоистичным, эгоцентричным,

амбициозным и — список можно продолжить — художником. Для несложного перформанса придумала сложную схему. Расписала как сценарий и решила, что поскольку это городские интервенции, всё должно происходить не в стенах музея, а на улицах, площадях, в каких-то ключевых точках города. Я хотела reconnect... как это перевести? Вновь соединиться с городом. Поискать говорящие поэтические места, которые напомнят мне моё детство.

Искать помогала Зарема Дадаева. Во-первых, Наталия плохо помнила город. А во-вторых,

Зарему сильно и болезненно зацепила история про «маленькую одичавшую махачкалинскую девочку, родившуюся на улице Кирова, ту самую, которую увезли на рыжих жигулях, предварительно запихнув в багажник её память о прошлом...», как сама Наталиа пишет о себе и о том, как родилась идея перформанса.

И ещё она пишет: «В том самом багажнике чудом оказалась мамина библиотека, состоящая из подписок Ги де Мопассана, Эмиля Золя, Фейхтвангера, Паустовского, Тургенева и, если не ошибаюсь, Мамина-Сибиряка. Там же оказались немецкого происхождения миксер, шёлковая китайская скатерть с жёлтыми цветами, две меховые шапки, папаха деда, его же черкеска и пояс с серебряными бляшками. Поэтому я всегда и твержу: “Я — родом из прошлого, а прошлое у меня забрали!”».

Город и женщина — и один и другая с опытом сиротства, с тоской богооставленности — попытались прикоснуться друг к другу, чтобы согреть и согреться.

«Её же оторвали фактически, — лицо Заремы кривится, как от боли. — Она не успела осмыслить всего, что на неё обрушилось — сначала трагическая смерть мамы, затем мгновенное расставание со всем, что было родным и знакомым. Потому ей нужно вернуться в это место травмы и заново осознанно пройти этот путь. В общем, она мне всё это рассказывает, я говорю: «Вау, как круто!», включаюсь уже как куратор, и мы начинаем бредить. Я ей осторожно подсказываю, какие есть травматичные для города ло-

кации, которым нужно вернуть тепло и связь с людьми».

Тем, кто помнит ту, прежнюю Мали — с тягой к этнике, к выстраиванию ярких образов — новая работа, пожалуй, будет неожиданностью. В перформансе о Махачкале нет ни старых чемоданов, ни старинных национальных платьев, ни тяжёлого потемневшего серебра, которое Мали так идёт. Демонстративная скудность, даже, пожалуй, нищета художественного языка здесь не случайна, так и было задумано.

— Я много работала с этническим материалом, очень щедро его использую. Я всегда за головные уборы, у меня черкески, у меня всяческий реквизит, платья, даже шаровары. Но в этой работе мне хотелось не умножать смыслы, а выдержать чистоту образа. Прямо руки чесались добавить какой-нибудь реквизит, но я очень рада, что сдержалась и не сделала этого. Мы с Заремой обговаривали даже цвет. Белый — не мой, и он про другое; чёрный — мне безумно идёт, как любой кавказской женщине, но чёрный — это уже вдова, ведьма, ворожея. А мы сознательно строили образ, где смысл не считается так однозначно. Мне не хватило ткани, и длинных «смирительных» рукавов не получилось. А я думала обнимать ими себя, думала, буду всё время себя баюкать, как ребёнка, и танец строить исходя из этого жеста.

Во всех семи эпизодах фильма на теле Мали — одна и та же «роба», как называет её сама Наталиа, и ассоциируется она с чем-то казённым, с тем, что отрицает даже существование понятий

«дом», «домашний». Это одежда тюрьмы, приюта, больницы, места, где ты обезличен и одинок. Но народ, комментирующий фото Наталии в Инстаграме, этих смыслов не считал.

— «Они писали, что это ночная рубашка, и как я посмела в ней выйти?!»

Изгнать демонов

Город, к которому Наталия приехала, встретил её настороженно. В первый же день кто-то вскользь поинтересовался, не станет ли она что-то «выкрикивать» в своём перформансе? Не будет ли он «вызывающим»? И выразили надежду, что Мали не станет затрагивать тему религии и женскую тему.

— Я ответила: не бойтесь, я вас не подведу! — смеётся Наталия. — Но чего они боялись? Что я начну произносить антиправительственные лозунги? Кстати, я заметила, как только собирается больше трёх человек, тут же начинается разговор на одну из двух тем. Всюду мне рассказывают, как верить и делать намаз, и про имама Шамиля. Прихожу к маникюрше — там о Шамиле, к однокласснице — про намаз, в парикмахерскую — про то и другое сразу!

В старый двор, где прошло её детство, Наталия не пошла. Говорит, того двора нет, и квартиры той нет. Нет даже призрака той машины цвета ржавчины, в которой увозили маленькую Наташу Малиновскую из прежней жизни. Она уже побывала там в прошлый свой приезд, 15 лет назад. К ужасу тех, кто был с ней, просто упала у подъезда на землю и

стала выть как волчица. Плакивала. Прощалась. И больше туда ни ногой. Хотя на кладбище в этот раз всё же пошла, там и сняли одну из сцен для фильма.

Но был ещё и весь остальной город, пусть и почти неузнаваемый. И его нужно было прощупать, продышать в нём, замёрзшем, оконца, как в заледевшем стекле автобуса. Одна из намеченных локаций — филармония, одно из старейших зданий в Махачкале — отпала сразу же. За два месяца до приезда Наталии филармонию просто отрезали от сети, и без света снимать там было невозможно.

— Судя по всему, здание готовят под снос. Внутри свалка мусора, обрывки платьев, костюмов. Всё очень живописно, но я не понимала, что я там могу сделать. Это картина упадка и разрушения, ухода культуры, но совершенно не считывалось, что это за место такое. А там, где понятно, что это филармония, где зал со сценой, закулисье — не было ни единой лампочки, тьма тьмущая. И мы уехали.

А перед тем как запереть за собой тяжёлые резные двери, немножко поснимали на память. На фото солнечный свет пробивается через багровые тяжёлые портьеры, и всё кажется кровоточащим. Будто снова, как в 40-е, тут военный госпиталь, всюду лежат раненые, и само здание — тихий солдатик, замерший на своей койке, обмотанный почерневшими бинтами рядовой или ефрейтор, о котором медсестрички шепчутся — не жилец.

— Единственный плюс, — смеётся Наталия, — мы нашли там огромный барабан. Забрали его, конечно, он пригодился для другого перформанса, возле памятника Ленину на

Буйнакского. Это же часть нашего советского прошлого, небольшой такой демон. И я была в барабан, как бьют шаманы, призывала его, чтоб изгнать.

У Наталии редкая способность обнаруживать комичное в трагическом и добывать из этой смеси новое вещество, которое и станет основным строительным материалом для её перформансов.

— Единственное, что я знаю, это где именно хочу снимать. Но движения всегда произвольны, их диктует место, энергетика места, погода ещё, ветер. Память твоего тела, его язык каким-то образом начинают тобой управлять и диктовать тебе. Камера, она фиксированная, свет задан, и весь фильм задуман как один длинный статичный кадр. У тебя могут быть обозначены начало и конец, а то, что «между» — это интервал стопроцентного твоего присутствия. Он очень «испытывающий» и для тебя, и для работы. Ты ведь можешь это сделать только один раз, повторов не будет.

О том, как работает Мали, Зарема Дадаева рассказывает так, что хочется немедленно бежать и смотреть, присутствовать.

«В ней нет той истеричности художников, о которой так много анекдотов, она пахарь, практически круглые сутки человек работает. Фантастическая самоорганизация. И когда входит в образ, ты можешь дёргать её, звать, окликать — она не услышит и не отреагирует. Полностью уходит в свои переживания, в свою историю».

Махач и пена

К ипподрому поехали в первый же день. Шёл дождь. Сначала думали снимать с фасадной части, где на стенах ещё видна монументалка дагестанского художника, погибшего в 2014 году, Анатолия Шарыпова. А затем прошли внутрь.

«Я вдруг сразу поняла, как это должно быть, — вспоминает Зарема, — и говорю, давай ты встанешь здесь! А там такой карниз, что ли, прямо над входом, между колоннами. Наталия смотрит, качает головой: — Да, здорово, но как я туда поднимусь? Ничего, подняли. Мне кажется, это один из лучших кадров».

А вот у памятника Махачу Дахадаеву на привокзальной площади было сложнее. Во-первых, потребовалось согласование с городскими властями. Во-вторых, оно не помогло. Завидев человека с камерой, да ещё и на треноге, все полицейские мчали к нему. Оператор Магомед Керимов делал каменное лицо и думал только об одном — продержаться.

«Я оператору сказала: — Мага, пусть подходят, твоё дело снимать. Покажи им документы, они у нас есть. Главное, камеру не выключай, она должна работать. К нам подходили бесчисленное количество раз, всё время дёргали».

Пока Магомед отбивался от очередного блюстителя порядка, Наталия строила свой танец, свой разговор со скульптурой. Вжимаясь спиной в постамент, она двигалась вдоль него на

цыпочках, маленькими шажками, будто идёт по тонкому каменному карнизу над пропастью, а потом и вовсе улеглась, свернувшись в изножье калачиком, будто отдалась под покровительство всадника в бурке и папахе. Того самого, что и себя-то не смог защитить от нелепой инициативы неких «общественников», и несколько лет назад вдруг засиял, как пасхальное яйцо — выкрашенный «золотой» краской.

Мы с Наталией смеёмся и сходимся во мнении, что это того уровня пошлость, которая становится самостоятельным арт-объектом, и тут же по непонятной логике таких разговоров переходим к Ак-Гёлю.

«Вот, где мне было очень больно. Это же то самое озеро, куда мой братик рыбу ловить ходил! Которое заливают сточными водами, химией, застраивают многоэтажками. Рыба оттуда отравленная, вороны, что клюют эту рыбу, тоже умирают. Но необычайный был свет. Как бирюза. Как раз накануне ударил минус, лежали льдинки, а я босая, и нужно было как можно медленнее исполнить танец, чтобы слиться с ландшафтом и с самим озером. И тут включилась память тела, все мои движения шли сами по себе, как бог на душу положил. Правда, хорошо вышло с этим белым блюдом?»

Соглашаюсь, правда, хорошо. Исчезающая идентичность, нет лица — нет человека. Нет озера, нет ничего, только отравленная пена...

Лечить и оплакивать

Самым большим испытанием стал Второй рынок. Мали шагала между рядов, оператор с камерой «одноножкой» в руке то семенил рядом, то забегал вперёд и начинал пятиться, стараясь удержать в кадре и её стремительное движение, и рыночное хаотичное бурление.

— Он мне всё говорил: пройди вот здесь, я тебя крупняком сниму! И я шла, не зная куда, у меня кружилась голова, и тут мы попадаем в мясные ряды. У меня есть старая работа с Приговым, тоже с мясом, но там оно не было страшным — скорее поэтическое и концептуальное. А здесь такая обнажённость, и ужас этих мясных туш, и на их фоне плечистые и очень усталые женщины. А у меня же весь этот проект про Женщину, которую бросили или она сама бросила, не ответила на любовь или не получила её и оплакивает себя, не плача. И вот в одном эпизоде у меня вдруг слёзы. Когда стояла на этой колоде, а она ведь, как плаха и как постамент одновременно, меня так торкнуло. Я закрыла глаза и сделала вот такой жест. Он из цигун, но там произошло смешение всех религий. Так читают молитвы мусульмане, там и иудейское есть. Как молится иудейка? Она закрывает лицо и шепчет. А финал с разведёнными руками — он христианский. И это понимание пришло там, на рынке. И вот я стою на колоде для рубки мяса и чувствую, что плачу.

Локацией, которая далась с большим трудом, стало море. Без него никак нельзя было, для нашего города это чуть ли не основная точка отсчёта. Он и столицей-то стал именно поэтому — порт, железная дорога, вода, пространство. Но на протяжении нескольких недель не могли подобрать место, где не было бы стройки, где пляж не зажат и не торчат какие-то страшные трубы. Перформанс у моря выглядит, как отрывок из постапокалиптического фильма.

Это был день, когда горел Пассаж: всюду копать, ужасный ветер. Сама Зарема была в пальто, а сверху ещё жилетка, но промёрзла до костей. А Наталия стояла в своём тоненьком платье, босая на мокром песке, и мёртвая рыба лежала на её ладонях.

— Это, кстати, вторая рыба, первая протухла, мы не могли снимать, был такой туман! Вторую снимали в шторм. И нужно было всё сделать правильно с первого раза. Ведь ты набиваешь рот этим активированным углем, нажираешься им, он из твоего рта течёт на платье, которое нужно стирать, чтобы заново отработать этот эпизод. А я забыла, какой в Махачкале бывает ветер, он летел на меня! Та чёрная лава, которую я изрыгала, должна была медленно стекать, а она вырывалась из меня фонтаном! Но всё это: и холод, и ветер, копать от пожа-

ра — сработали так, что в этот момент я сама стала этим отравленным морем, отравленным городом, и рыба в моих руках будто задышалась вместе со мной. Как вы тут живёте, этот город отнимает столько сил?!

В ответ я шучу, что мы тут все мутанты. Что скоро у нас отрастут щупальца и ядовитые костяные гребни вдоль хребта, и мы начнём переключаться в ночи скрежещущими ржавыми голосами.

Хвалю последнюю сцену фильма, где Наталия шагает по рельсам, уходя в расфокус. Но не говорю главного. Не открываю источник нашей собственной «энергии выживания», не выдаю Большую Махачкалинскую Тайну. Что у каждого из нас есть свой рыжий жигуль, а в его багажнике собственные книги, доставшиеся в наследство, собственные скатерти и китайские зонтики, плюшевые потёртые медведики, подаренная дедом старая фуражка, папина фотография на комсомольский билет... Всё то, что является нашим прошлым и к чему когда-нибудь нам обязательно нужно будет вернуться. Просто мы часто забываем об этом. И понадобилась интервенция, понадобилась сумасшедшая лондонская художница, чтобы мы про всё это вспомнили и нащупали в глубине кармана пропуск. Сколотую помутневшую перламутровую пуговку или сплюснутую гильзу — у каждого свой.

Мы продолжаем наш «Культурный портрет» — совместный проект редакции и галереи современного искусства «Первая галерея». Автор и куратор проекта — Джамия Дагирова.

ХОРОШИЕ МАНЕРЫ ПРИ ЧАЕПИТИИ С БЕЗУМЦАМИ И АРХЕОПТЕРИКСАМИ

О новом ярком авторе обычно пишут «ворвался в литературу». Особенно, если его дебют сопровождался скандалом, как это было с первой повестью Алисы Ганиевой «Салам тебе, Далгат!». Но Алиса никуда не врывается. Само это слово уже не про неё. Она просто открыла дверь, прошла, села, вежливо со всеми поздоровалась и... Опрокинула устоявшееся, посягнула на святое, нарушила все мыслимые запреты. При этом её прическа осталась идеальной, а платье не измялось.

«Бунт» Алисы Ганиевой особой природы, в нём нет вызова, азарта, сорванного голоса, нет и торжества человека, который долго терпел, маялся, тосковал и, наконец, выплеснул всё, что накопело. Именно это её свойство как личности и как писателя кого-то очаровывает, а кого-то невероятно раздражает. Но кажется, ей и дела нет как до первых, так и до вторых.

В 2009 году вышла её первая повесть, потом сборник «Полёт Археоптерикса», романы «Праздничная гора», «Жених и невеста». Те, кто ждал, что вот сейчас Алиса исчерпает «кавказскую тему» и закончится как писатель, были разочарованы появлением романа «Оскорблённые чувства», а затем и биографии,

написанной для серии «ЖЗЛ» — «Её Лилицество Брик на фоне Люциферова века». В 2015 году газета «TheGuardian» включила Алису в список 30 самых влиятельных москвичей младше 30 лет, что спровоцировало очередную жаркую дискуссию на тему — так кто же она, москвичка или всё же наша, дагестанка, аварка? Ответ на этот архиважный вопрос так и не был дан и, думается, не будет дан никогда. Должно же существовать нечто постоянное в нашем быстро меняющемся мире, не правда ли?

А пока мы все летим в бесконечной кроличьей норе, можно и поговорить. О башимаках, сургуче, «королях и капусте, а ещё о надеждах, страхах и личной жизни.

2011. Дарина В. Гуреева

Я неизбежно кого-то разочарываю

Самый близкий мне типаж — это предсказуемо Алиса в Стране Чудес и в Зазеркалье. Меня так же колбасит от любопытства, так же тянет сигануть за кем-нибудь в нору и выпить чего-нибудь с безумцами. И в приключения я точно так же попадаю в одиночку. И так же разговариваю сама с собой. Только вот бойкости Алисиной иногда не хватает. Чтобы, знаешь, крикнуть всяким там королям и королевам: «Вы всего лишь колода карт!» Иногда срываюсь и кричу, но чаще мешает патологическая учтивость. Впрочем, Алиса тоже этим страдала, и реверансы делала даже во время падения. Так и я.

* * *

Я бы очень хотела сниматься в эпизодах в крутом кино. Но, увы, никто не приглашает.

* * *

В детстве и юности я была на редкость не креативна, хотя постоянно тянулась к творческим профессиям — мечтала стать композитором, хореографом, художником, актрисой (это подтверждают записи в моём блокноте 1993-го года), не имея никаких талантов ни к тому, ни к другому, ни к третьему.

* * *

У меня тексты получаются настолько разные, что я неизбежно кого-то разочарываю. Кто полюбил «Жениха и невесту», возможно, не захочет читать «Оскорблённые чувства» и наоборот, но для меня каждый текст — это необходимые точки развития, лестничные площадки. А куда ведёт лестница, вверх или вниз, станет понятно лет через пятьдесят.

* * *

В детстве я постоянно находила деньги на улице и в коридорах различных учреждений, чаще всего медицинских. Такие толстенные пачки купюр — по пятьдесят-сто тысяч неденоминированных рублей, обронённые легкомысленными махачкалинцами. Но почему-то ужасно брезговала брать их в руки. Как-то подумала: «А вдруг на них пописала собака?»

Мои сказки были про мальчика с жёлтым лицом, про девочку с хронически мокрыми ногами...

На сольфеджио я страшно лажала, на художественную гимнастику меня не приняли из-за сколиоза, из коллектива «Счастливое детство» прогнали на втором же занятии — из-за ужасной координации, а рисовала я, как безрукий и слепой пират. Писать я ещё не писала (хотя мои двоюродные сёстры в то время всю варганили роман за романом и пьесу за пьесой). Зато обожала читать и, увлекаясь каким-то классиком, начинала стилизовать под него школьные сочинения. То в стиле Чехова напишу, то в стиле Булгакова, то «Ромео и Джульетту» переделаю на дагестанский лад.

Учителя этого не любили.

* * *

До прозы я доросла только к 23 годам, а в ранние годы строчила стишки. Отдельные онегинские строфы моей грандиозной неоконченной поэмы о Дагестане (9-й класс, период увлечения Пушкиным) даже вошли в роман «Праздничная гора». Я их приписала своему пафосному персонажу-графоману Махмуду Тагировичу. А переводчики романа потом этот ужас переводили на разные языки.

* * *

Сказки для взрослых были отдушиной для моей тайной субличности, склонной к хармсовскому абсурдизму и кэрролловскому сюрю. Я писала коротенькие, примитивизированные истории с социальной подкладкой, в основном про детей с изъянами: про мальчика с жёлтым лицом, про девочку с хронически мокрыми ногами, про ребёнка, который постоянно менял пол, про другого ребёнка, который и вовсе — умер... Но все сказки кончались на счастливой ноте. Многим друзьям мои эксперименты страшно не нравились, покойный Эдуард Успенский на одном семинаре даже впал из-за них в приступ ярости. Но одноклассники моего брата зачитывались ими на переменах и даже устроили «ВКонтакте» полустебную группу поклонников «сказочницы Алисы

Ганиевой». Среди моих юных фанатов был тогда и Алёша Смирнов, который стал теперь модным режиссёром и даже гостит у Урганта. Так что всё не зря!

* * *

Уже много лет тихо работаю редактором в приложении к «Независимой газете» «НГ-Exlibris». Обожаю подбирать иллюстрации к чужим текстам — обнажённую натуру в классической живописи.

* * *

Люблю, когда денег хватает, но при этом их не слишком много — тогда я о них не думаю. Для меня это просто ресурс, который помогает не чувствовать бытового унижения и не опускаться на дно.

Я хотела бы служить собеседницей в ресторанах

Меняется жизнь, меняется общественная ситуация, и моя реакция на происходящее тоже меняется. Раньше я писала о пытках и фальсификациях в художественных текстах, и считала это достаточным, теперь говорю об этом напрямую — через плакаты, пикеты, уличные акции.

Длинной мысли уже недостаточно — нужна ещё и короткая, быстрая, оперативная.

* * *

В эфире программы «Страсти» на «Эхо Москвы» я со своим радио-партнёром обычно перебираю разные яркие сюжеты — литературы и жизни. Говорят же, что их ограниченное количество. Вот мы и идём по списку — от Убийства и Мести к Адюльтеру и Судебной ошибке. А попутно говорим о книжках, любви, политике и многом другом. А слушатели в этом бурно участвуют.

* * *

Работа мечты — служить собеседницей в ресторанах. Захочет кто-нибудь (одинокая старушка, к примеру, или компания друзей) поболтать о чём угодно и приглашает меня за стол. Первые две минуты — бесплатно, а дальше — по возрастающей. Но на днях

один приятель объяснил мне, что такая профессия, оказывается, уже существует. В ночных клубах. И считается чем-то вроде эскорта. Это меня, признаться, обескуражило.

* * *

Бывают исторические периоды, когда писателю недостаточно быть просто писателем, ему важно побыть немножко и активным гражданином, оголённым проводом, артикулятором пусть и банальных, но очень важных призывов. Вот сейчас я чувствую как раз такой период.

* * *

Я очень боюсь тараканов. Вот сейчас сказала и уже дрожу. Мы с братом называем эту мерзость кодовым словом «враги» — чтобы было не так страшно. А ещё боюсь ускорения времени, возможного слабоумия, потери памяти и рассудка. Боюсь физической боли. Боюсь совершить подлость. Боюсь бояться.

* * *

Мне только дай кем-нибудь прикинуться! Это началось ещё с моего болезненно застенчивого детства, мне нужно было переодеться в Бабу-Ягу или Кабаниху, чтобы обрести мощный, повелительный голос и расправить плечи.

Не так часто, как могла бы. Но чаще, чем могла бы

Фото с Горбачёвым я у себя в Фейсбуке размещаю не так часто, как могла бы. Но чаще, чем могла бы. Делаю это из жизнеутверждающего принципа. Назло тем, кто МС ненавидит, считает предателем, иудой, меченым, развалившим страну. Назло тем, кто в своей тупой слепоте не видит его настоящей, освободительной исторической роли. И на радость всем тем, кто отца демократии уважает, ценит и любит.

А ещё это троллинг, конечно. Троллинг тех, кто, увидев на фото мужчину и женщину, тут же пускает смешные и сальные слухи, сплетни и шепотки по поводу их отношений. Ну и пусть тогда любят, а мы посмеёмся.

* * *

Лиля Брик для меня — персонаж авантюрный, яркий, амбивалентный, скандальный и очень современный. Это свидетель эпохи, это повод поговорить не только о моде, искусстве, поэзии, цензуре и государстве, но и о вещах актуальных. Как себя вести во время репрессий? Замечать или не замечать? Помогать или не помогать? И почему нынче грамм совести?

* * *

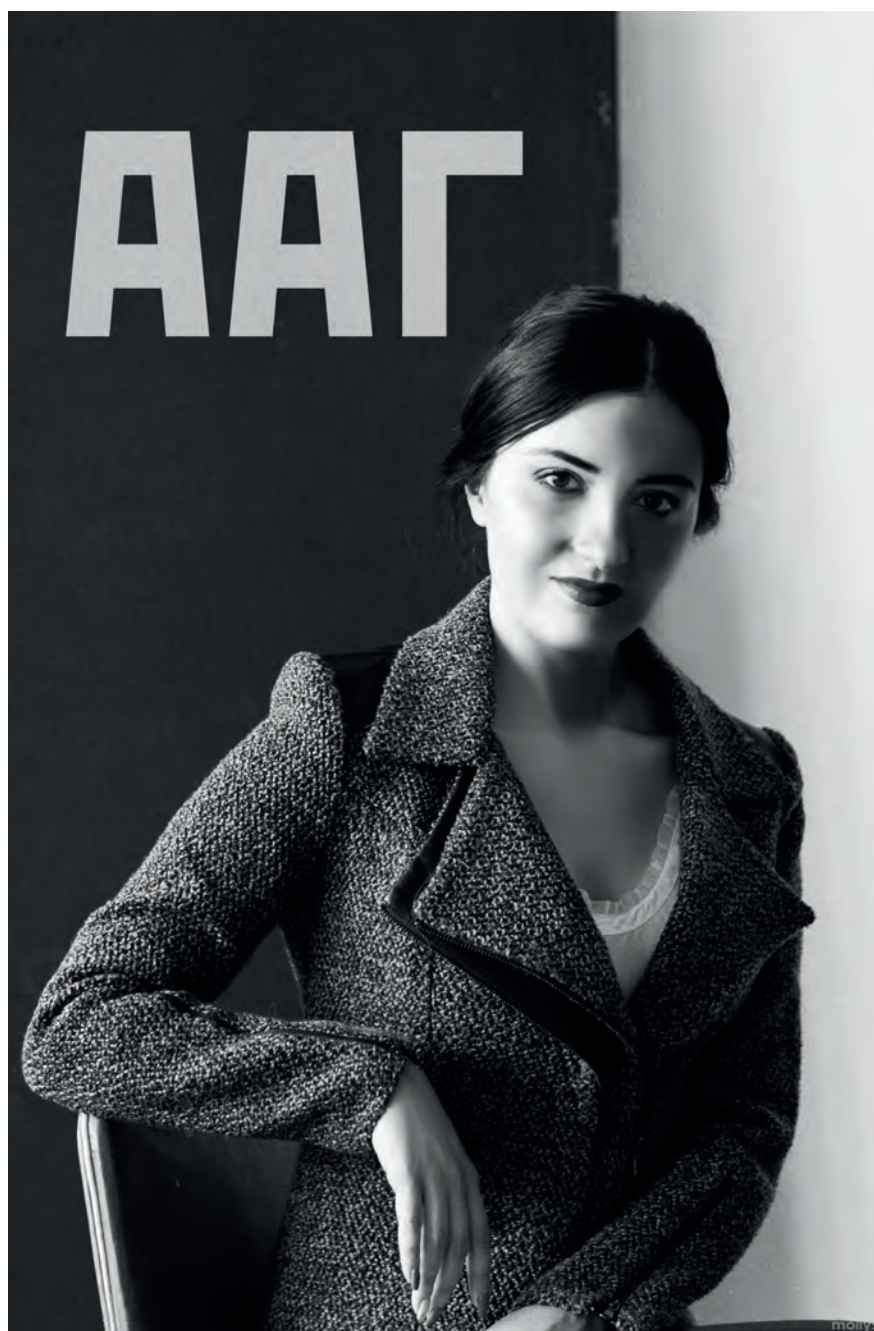
Надо бы уже повзрослеть — сходить к финансовым консультантам, завести пенсионную копилку, начать откладывать на акции и биткоины и т. д. Но всё никак.

* * *

Многие прицепились к тому, что я копаюсь в Лилиных любовниках, — ну так без этого в биографии «великой женщины» обойтись невозможно! Она была по-хорошему (иногда по-плохому) бесстыдной, а автор неизбежно приноравливается к своему герою. Я пыталась проникнуть в Брик, посмотреть на мир её глазами, найти в себе понимание там, где меня бросало в оторопь. Отсюда, наверное, потом и родилась моя фотосессия в стиле Лили Брик — омаж знаменитым фотографиям Родченко. Впрочем, это была идея фотохудожника Молли Таллант.

* * *

С «личной жизнью» у меня странная ситуация. С одной стороны, она у меня, по сути, отсутствует начисто — ну нет человека, и всё тут! Да я и одна не скучаю. А с другой стороны, там, в прихожей, как бы в предбаннике моего будуара, творится такое! Там такие пышные имена, такие трагикомические ситуации, такие страсти, что хватило

бы на целый роман а-ля Дюма. Но читать его в ближайшие сто лет я бы запретила.

* * *

Спрашиваешь, достала ли ты меня вопросами? Отвечаю — ДА!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Вместо послесловия

Текст был уже практически готов, когда я написала Алисе, мол, сижу, ломаю голову, как же его назвать. Она ответила: «Как-нибудь угарно, даже неприлично!». И тут я стала смеяться — ну вот опять! Опять и снова эта Ганиева пляшет на кромочке, на тонкой проволоке и при этом умудряется держаться, как подобает культурной девушке из культурной семьи — «как мой китайский зонтик красен, натёрты мелом башмачки...».

Светлана Анохина

Магомед Бисавалиев

Фазу и Адалло

Был холодный вечер декабря 2012 года. В русском театре на юбилейный вечер Фазу Алиевой собрался весь бомонд страны гор: важные лица с площади, творческая интеллигенция. Атмосфера была на редкость искренняя и тёплая, поздравители и сама Фазу были в ударе. Поздравление президента Магомедсалама Магомедова, подарки, и по традиции — концерт.

На вечерах поэтов, как правило, начинают с исполнения произведений юбиляра — но не в этот раз! Надо сказать, аварцы были в шоке. Потому что концертную часть открыла известная даргинская певица Пати-мат Кагирова песней, ставшей гимном для всех аварцев. Кто не знает — «Биччан те, МухАмад, цо щобил бакъан...» — на слова Адалло Алиева. Спела на аварском, а потом и на даргинском.

Зал песню принял овациями, Кагирову не отпускали со сцены. Потом выступали другие мастера Дагестана. Закончился вечер Фазу. На улице всё та же сырая ветреная ночь, и я шёл до улицы Дахадаева пешком. Позвонил Адалло Алиеву (мы тогда были в приятельских отношениях). На том конце слышу слабый хриплый голос Адалло — спрашивает, где я нахожусь. А я любил его

вытягивать на дискуссию, поддразнивать. Вот и в тот раз не удержался, говорю: мол, иду по проспекту Расула Гамзатова с вечера нашей несравненной Фазу.

— С трудом достал билет. Там президент, министры, депутаты, народа столько, что негде семечку упасть... — дразнил я Адалло, зная его отношение к Фазу.

— Слушай, надо покончить с этим обманом и оболваниванием народа, — тут же завёлся Адалло с возмущением.

Чувствую, что он прямо закипает...

— А ты знаешь, Адалло, как открыли вчер поэзии Фазу? Даргинская певица Патимат Кагирова исполнила первой песню на твои слова «Биччан те, МухАмад...» на аварском, потом эти же слова на даргинском тоже спела.

— Да не может быть этого!!! — закричал поэт.

Чувствую, радуется, как ребёнок. Все же, как мало человеку нужно для счастья...

— Адалло, ты же воюешь всю жизнь с реальными и надуманными врагами, и редко выигрывал. Сегодня твоя песня одержала самую убедительную победу на «вражеской территории», куда тебя не посчитали нужным даже пригласить. Теперь зато можешь спать спокойно, а с утра написать что-нибудь ещё подобное этому стихотворению.

Поэт рассмеялся от души. Позже он обиделся из-за моей колонки в защиту Расула Гамзатова в журнале «Дагестан», но это другая тема.

Были же умные люди, с кем можно было ссориться, не соглашаться, ругаться...

Академик и поэзия

Давно мне не звонили с обычного, стационарного телефона. А тут — звонок. На том конце провода — знакомый голос Шамиля Гимбатовича Алиева. Всё как всегда: сперва у Шамиля Гимбатовича в «гостях» оказываются люди, давно ушедшие в мир иной, но оставшиеся в истории. Он с ними «беседует», тут же вспоминает о ком-нибудь из знакомых и звонит ему, чтобы рассказать о «госте».

Вот и теперь, даже не поздоровавшись, словно мы прервали разговор минуту назад, он увлечённо принялся рассказывать про учёного — Мухаммада, сына Нурмухаммада из Аракани. Я говорю ему, что нахожусь недалеко от площади и могу, если он не против, прямо сейчас заглянуть к нему на работу, и мы продолжим разговор.

Захожу. Кабинет и все столы буквально завалены раскрытыми книгами. На стене доска, на ней ни о чём мне не говорящие записи и формулы. Он как-то по-детски улыбнулся, поднялся навстречу и продолжил прерванный разговор.

Слушать его было одно удовольствие — то был нескончаемый поток глубокой и разносторонней информации, что неподготовленный человек не сразу усваивает. Говорил в том числе о математике Пуанкаре. Я, к моему стыду, имя слышал,

а конкретно, в какой связи и чем тот сла-вен — не знал.

Потом перешли на литературу. Читали Махмуда и Расула. Я обмолвился, что поэзию невозможно переводить, и те переводы нашего Расула, которые получились удачно на русском, это результат сотворчества поэта и переводчика. Шамиль Гимбатович сделал вид, что согласился, и начал по памяти читать стихотворение на русском. Я же никак не мог определить автора, а также написано оно на русском или переводное. Оказалось, стихотворение Артюра Рембо, французского поэта второй половины XIX века.

Наша беседа, а если точнее, монолог Шамиля Гимбатовича продолжался два часа. Я лишь иногда задавал вопросы, а он говорил, говорил. И меня поразила его память. Кто бы мог подумать, что доктор технических наук, например, может так хорошо понимать, запоминать и разбирать поэтические строки?! Это была какая-то машина с десятками терабайт памяти и информации из самых разных областей человеческого знания.

А ведь он не пользуется мобильным телефоном, и в кабинете учёного нет компьютера (тоже любопытный факт). Как я понял, всё в голове у человека.

История пословиц и поговорок

В старом Джурмуте есть поговорки и пословицы, которые достались от предков. Но немногие знают их предысторию. Одни звучат очень красноречиво, с аллитерацией, другие несколько коряво, не очень. Мне же по-настоящему интересно распутывать ниточки, которые ведут к началу, к истокам их появления. Кое-что мне удалось распутать, чем я и решил поделиться с вами.

Есть такое выражение: «Цал бакъанайги йоана гъобол» (*Гостья может быть и такая, которой нравится плеть*).

Выражение используют в том смысле, что гости могут быть самые разные, надо угодить им и обеспечить довольство гостей. Когда я спросил у одного почётного старца из Джурмута, что означает это выражение, в ответ услышал следующую историю.

Было это ранней осенью конца пятидесятих годов прошлого века. В Джурмуте была пора активного сенокоса для колхозов, в селе собрались звеньевые, бригадиры, председатели, уполномоченные из райцентра, которые приходили контролировать колхозников.

Один джурмутовец решил сыграть свадьбу сыну, пока не наступили холода и не закрылся перевал в Цор. Привезли много чачи, зарезали десяток баранов, позвали зурначей и барабанщиков. Стали подтягиваться мужчины на ска-

кунах и пешими, собирались по зову зурны и веселья на вечерний пир к центру аула женщины и молодые нарядные девушки в серебряных и разных украшениях. На небе сияла осенняя луна, особенно яркая в это время. Вокруг костра собрались стар и млад со всей округи, чтобы посмотреть на молодых.

В это время в аул верхом прибыли гости, кто-то позвал со свадьбы молодого председателя колхоза. Оказалось, из района приехал начальник сельхозуправления, работник райисполкома и молодая, красивая женщина — третий секретарь райкома партии. Председатель колхоза коротко отчитался о ходе работы, угостил чиновников и деликатно предложил им пойти к месту, где молодёжь танцует и поёт на свадьбе. Гости согласились. Им отвели почётное место, мужчины-гости и председатель колхоза сели, а секретарь райкома попросила, чтобы её оставили постоять с женщинами.

Толпы молодых людей с разинутыми ртами смотрели на молодую, невероятной

красоты женщину — секретаря райкома. Бравые молодцы под бой барабана и зурны один за другим выскакивали и кружились вокруг костра и только после этого знаком — кто кивком головы, кто маленькой палочкой — выбирали себе напарницу для танца. Иногда девушки сами выходили танцевать. Среди этой толпы молодых людей был, оказывается, хулиганистый молодой человек, который напарницу для танца звал плетью, которая висела на запястье. Зная его вольность и некую безбашенность в танце и выборе напарницы, особенно после принятого кахетинского, девушки со смехом расширяли ему круг и не выходили на танец. (Это был Багадур из аула Чорода, друг моего покойного отца. Я как-то рассказывал о том, как по дороге в Богнода лошадь отца сломала ногу, и её застрелили.)

После второго дерзкого трюка Багадура вокруг костра, девушки опять отступили, и он оказался возле красивой гостыи, секретаря райкома, которая не стала пугаться и отступать вместе с девушками. Подвыпивший парень хлестнул по её спине плетью и жестом позвал на танец. Джамаат ахнул от такой дерзости хулигана, повисла неловкая пауза, говорят, даже зурнач замешкался, но через миг продолжил играть. Секретарь райкома от жгучей боли сперва согнулась, потом выпрямилась и, словно лебедь по воде, поплыла лёгким и плавным движением на танец с хулиганом. Они вдвоём кружились вокруг костра, а председатель колхоза, хозяева свадьбы и молодые люди, озверевшие от этой дерзости, с нетерпением ждали конца танца, чтобы наказать глупца, который обидел уважаемую гостью.

Когда они набросились на него после танца, секретарь райкома подозвала к себе председателя колхоза и жёстким образом потребовала не трогать Багадура. Когда спросили у неё после свадьбы, почему она не позволила наказать хулигана, она сказала: «Я устала быть хАкимом, и мне надоело видеть вокруг себя робость и нерешительность мужчин. Хулиганство и плеть Багадура во мне разбудили женщину, хочу быть обычной женщиной, которая ничем не отличается от этих девушек на свадьбе».

После этого случая и родилась в Джурмуте поговорка: «Цал бакъанайги йоана гъобол» (*Гостыя может быть и такая, которой нравятся плеть*).

* * *

«Маарухъ воана — гъаб гІазу, Цџоров кІвана — дал гІурусал» (*В горах останусь — тут снега, в Цџор (Алазанскую долину) пойду — там русские*).

По сей день джурмутовцы используют эту поговорку, когда человек оказывается между двумя безвыходными ситуациями, когда с обеих сторон зло. Когда оба варианта плохи. А предыстория этой поговорки такова.

Как рассказывали предки, Джурмут был вроде кордонной линии по Большому Кавказскому хребту — между имамом Шамиля и закрепившимися в Грузии русскими войсками в период большой войны XIX века. Джурмутовцы воевали всю Кавказскую войну, в состав российской империи вошли в числе одних из последних джамаатов Нагорного Дагестана — в июле 1859 года, после того как пала вся Чечня и многие джамааты Дагестана. Из-за того, что это был очень важный в стратегическом плане участок, и русские из Грузии, и имамат Шамиля старались привлечь джурмутовцев на свою сторону.

Наибы имамата читали проповеди об обязательности газавата и борьбы за веру ради довольства Аллаха после смерти, русские обещали блага и сытую жизнь тут, на этом свете. На зимовку все отары овец Джурмута спускались в тёплый Цџор (в Грузию и Азербайджан). А там регулярная армия Российской империи со своими гарнизонами и полной властью над Грузией. Пойдёшь на стовор с русскими — клеймо на весь род и ответ держать перед Аллахом в Судный день. Не пойдёшь — другая беда: в горах среди снега сложно выжить. Когда оказался между двумя бедами, в сердцах бросил несчастный джурмутовец фразу: «Маарухъ воана — гъаб гІазу, Цџоров кІвана — гъадал гІурусал» (*В горах останусь — тут снега, в Цџор пойду — там русские*).

**Магомед Ахмедов,
народный поэт Дагестана**

ОДИНОКИЙ ДОМ В ГОРАХ

В горах, там, где жизни суровой уроки
Впервые постиг я и вырос на том,
Есть старая сакля — мой дом одинокий,
Мой старый, родимый, заброшенный дом.

Погашен очаг... Ни дымка и ни слова...
Созвездья о крышу стучат невпопад.
Я молча стою... Я на Родине снова...
А в сердце... А в сердце моём снегопад.

Протекающая крыша твердит о печали,
О том, что разлука — изгнания лютей.
Теньями столетия мрачные стали,
И стали камнями слёзы людей...

Всё чудится — плачут холодные стены,
Стесняясь, что вечно вокруг никого,
Шепча по-аварски, как путник согбенный,
О счастье детей, что забыли его...

Поникнув, стою я, промокший до нитки,
Все радости детства припомнив за миг.
Мне чудится скрип полусгнившей калитки,
А рядом, на камне, соседский старик.

Всё истинно здесь, всё тревожно и свято!
Промок, но такая вокруг благодать,
Что только и можно молчать виновато
Да горькие слёзы неслышно глотать.

ЭЛЕГИЯ

Скажи, чего ты ищешь, выйдя в путь,
Сын той страны, что шла по бездорожью?
Больное сердце время полнит дрожью...
Одни развилки... Некуда шагнуть...

В чём был твой грех? Куда же ты бредёшь?
Куда ведут натруженные ноги?
Пойдёшь налево — нет уже дороги,
Пойдёшь направо — тропки не найдёшь.

Нас век двадцатый к сердцу прижимал,
А двадцать первый тайно убивает.
И в сердце сад давно не расцветает,
Куда ни глянь — один сплошной оскал.

Тогда зачем о Родине рыдать?
Нет Родины... Одни лишь прах и тленье.
Но ведь «Я помню чудное мгновенье...»
Она в тебя вложила, словно мать.

О, Господи, ты можешь — среди скал
Мне подари такую силу света,
Чтобы очнулись воины-поэты,
А враг ослеп и в ужасе бежал.

Чтоб птица счастья в сумраке небес
Среди рыданий тайно воспарила,
Чтоб зрились в ней и мужество, и сила...
И страх из душ измученных исчез...

Но это всё мечты... Лишь ты и ночь.
Сын рухнувшей страны... По бездорожью,
Как сирота бредёшь... На помощь божью
Надеясь... Больше некому помочь...

ПЛАЧ СЛЕПОГО ОХОТНИКА

Я — старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан...
В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзённые выи.
И только ослепнув, вдруг понял — я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся
предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье споревшее мясо...

Я так ликовал, если, выстрелом сбитый моим,
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась чёрной, как мутное зелье.

Тяжёлое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моём выстрелы снова звучат —
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко хрипя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозное ущелье.

ТАИНСТВЕННОСТЬ

Таинственность — и та давно иною стала,
На первом месте — ложь, коварство и хула.
И мало лжи лжецам, коварства — подлым мало,
Безжизненная жизнь пуста и тяжела.

Ты женщину познал — она теперь не тайна,
И с другом дружбы нет... И в клятве скрыта ложь.
Случайно узнаёшь, что всё здесь не случайно...
Не понят миром ты... И мира не поймёшь...

Таинственность во всём... Ребёнок с колыбели
О славе возмечтал, не зная ничего.
Язык земной забыт... Веселья отшумели.
И некого в Раю признать за своего.

Ты Родину любил? Чужой ты ей отныне...
Ты слышишь стон её? Объявят, что ты глух.
Твой тихий скорбный плач не нужен и в помине,
Как мудрость не нужна старейшин и старух.

Таинственность во всём... Таинственного мало,
Когда спешат глупцы родное позабыть.
Когда и дух наш мёртв... Когда звезда упала...
Когда в почёте лезть, предательство и прыть.

Жизнь волкам охранять доверили... Негоже
Напрасно утолять чужую злую прыть.
Хоть, как сказал поэт: «Но всё же... Всё же... Всё же...»
И можно ничего теперь не говорить.

ЗАБРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

Заброшенные кладбища стоят,
Как будто опустевшие селенья.
Надгробных плит застывшие мгновенья,
Глухонемых камней печальный ряд...

А паутинки надписей с камней
Сползают... И в сплетенье паутины
Запутались призывный клич орлиный,
И пыль веков, что горечи черней.

Пустынно здесь... Молюсь... И в свой черед
Мне голоса доходят сквозь моление:
«За нас молитесь... И тогда спасенье
И к вам самим от Господа придёт!»

Такая жизнь... Надеждами живём,
Чтоб умереть в несбывшейся надежде.
Помолимся... И тем же, что и прежде,
Полунапрасным двинемся путём.

И, к истине печальной не готов,
Ты вдруг отметишь – горестно, со вздохом,
Что равно заросли чертополохом
Могилы правдолюбцев и лжецов.

Когда-то не для лжи сотворены,
Те и другие нынче стали тленом...
Был юношей... И старцем стал согбенным,
Чьи ночи и рассветы сочтены.

А дальше лишь блуждания во мгле,
Где нет тропинки, вьющейся отлого...
Есть Ад и Рай... Кому куда дорога...
Но путь твой в небо начат на земле.

Стою один... Никто не виноват,
Что больше не блуждать нам белым светом...
«Прохожие... Задумайтесь об этом...» —
В тиши надгробья немо говорят.

* * *

И горы мельчают, когда измельчает народ.
Ущелья забыли раскаты басистого эха.
В померкнувшем небе унылый орёл не плывёт...
Отчизна, шатаясь, плетётся врагам на потеху.

Враги побеждают... Но я не поверю врагам.
Пускай приставляют мне к сердцу горячее дуло,
И я ничего без сраженья врагу не отдам:
Ни скал, ни ущелий, ни полупустого аула.

Кровавые строки насквозь прожигают листок.
Куда ты, Отчизна? Без Родины так одиноко!
На запад гляжу и не вижу... Гляжу на восток...
Не видно нигде... Даже тучи парят невысоко.

Где наши герои? Где воинов пламенных ряд?
Где ваша отвага? Неужто в могилах зарыта?
Неужто герои вот так же понуро стоят,
Надеясь, что в миску им кто-то плеснёт из корыта?

А те, кто в почёте, те нынче стреляют не в цель,
У бедной Отчизны отняв и последние крохи.
И некому вызвать сейчас подлецов на дуэль —
Ведь рядом такие же дети проклятой эпохи.

Наш дом поджигают —
мы хворост в кострище несём,
Кровавое облако над пепелищем нависло.
Нас мало осталось... Но мы за Отчизну умрём,
Коль смысл — умереть на войне, не имеющей смысла.

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

«Есть старая песня: Кавказ и любовь...» —
Так Яков Козловский не раз говорил мне.
Шёл ливень в Москве... А казалось, что вновь
В ауле Цада начинаются ливни.

Я помню заваленный книгами стол,
Ту песню — на звук оглянулся прохожий.
Так было. Так будет... Козловский ушёл —
Порывистый, быстрый, на горца похожий.

Он эти ущелья и горы любил,
Как будто и вправду родился в ауле.
Кавказ ему дал вдохновенья и сил
Строку из Расула пропеть при Расуле.

С Гамзатом Цадаса он горную пыль
Топтал там, где ветер кустарник колышет.
И если при нём говорили: «Шамиль»,
Козловский вставал, сразу делаясь выше...

Дружил с Шахтамановым... Вечную грусть
Носил он в зрачках... Улыбался... И снова
Нам строки Махмуда читал наизусть
Тот пленник кавказский русского слова.

Эх, Яков Абрамович... Где ты? Уплыл
Туда, где закончились горы и спуски...
Но лунным сиянием ты наделил
Аварское слово в поэзии русской.

ЛОРД БАЙРОН

Юрию Кузнецову

Вчера — стихи, а завтра — злая сечь,
Не про тебя стремленье: «Отдохнуть бы!...»
Оседлан конь... Заточен острый меч,
И пусть клинок решает наши судьбы.

«Постой... Остановись... Чего решать?»
В ответ лишь взор решительней и злее:
«Лишь тот, кто держит меч за рукоять,
Судьбы вершитель...» И в седло скорее...

Тебе вослед кричат, что ты умрёшь:
«Лорд Байрон ... Погоди... Порвётся стремя...»
Ты, оглянувшись: «Стремя?.. Ну и что ж?
Зато пусть строки слышатся сквозь время...»

Ты — лорд, зачем же Греция тебе,
Тебе ль стремиться к их дворцам и пальмам?
«Молчу вне схватки... И пою в борьбе...
Иначе нет... Иначе я не Байрон!»

А что Пегас? Пегас ведь тоже конь,
Седлай его и вновь врубайся в сечу.
Перо и меч один калит огонь —
За стих и бой пред Вечностью отвечу!

* * *

Чьё сердце стучится под светом холодной луны?
Чьё место я занял? Брожу себе, не понимая,
Зачем же ночами чужие мне видятся сны,
Зачем меня вечно судьба обнимает чужая?
Зачем же я мучусь, чужою любовью томим,
Мне сердце чужое чужие приносит печали,
С чужим человеком о чём-то чужом говорим,
Чужие заботы сквозь боль понимая едва ли...

Я — самоубийца, случайно оставшийся жить,
Я — знак восклицательный этой проклятой эпохи.
Как знак вопросительный сложена тонкая нить
Всего, что осталось... И это — несчастные крохи.
А хочется сердце услышать своё... И свою
Негромкую песню пропеть, позабыв про чужое.
И выйти на бой самому... И погибнуть в бою.
А если победа — с победою выйти из боя.

И взглядом победным смотреть, прогоняя беду,
Чтоб Родина знала — я здесь не чужой и не лишний.
Когда позовёт она — я ни за что не уйду.
Пусть только простит...
А за нею простит и Всевышний.

* * *

Неужто слово, полное любви,
Совсем не нужно сумрачному миру?
Кому играть по звёздному клавиру,
Коль пыль дорог и в мыслях, и в крови?
Когда такие нынче времена,
Что путают невинность и коварство,
И только чёрной тенью государство
Нависло... Не оно — моя страна!

Где ненависть стоит как часовой
На перекрёстке ужаса и страха,
И где времён обугленная плаха
Не предвещает участи иной.
Где ужасом наполнен каждый звук,
Где прошлое наивно и неловко,
А в будущее скользкая верёвка
Трещит и вырывается из рук.
Танцуют бесы... Их теперь не счесть,
А посреди растления и тлена,
Где лишь одна измена неизменна,
Давно забыты искренность и честь.
И что мне делать? Я везде не свой,
Я битву проиграл, но жив покуда.
Простить нет сил... И в этом царстве блуда
Нет места, чтоб принять последний бой.

Здесь все собаки лают на меня,
И мне вовек не сжиться с новым веком.
Как совесть сохранить и человеком
Остаться после прожитого дня?
Одна надежда — всё Аллах простит,
Когда сразит нас маленькая пулька...
Я — камешек святой горы Ахульго,
Где зеркало бессмертия блестит.

ЛИСТОК

Поговори со мной листок, слетевший
На землю с опадающих деревьев.
Опять дождит ноябрь надоевший,
Потом зима завоюет нараспев.

Кому сказать про божию немилость,
Про долгий скрип измученных берёз,
Про то, что сердце инеем покрылось,
А будущее смотрит из-под слёз?

Тебя снесёт порывом ветер резкий,
Подбросит вверх... Уронит впопыхах.
Чуть затрепещут в доме занавески,
И строчка полыхнёт на небесах.

Ответь же мне, листок, а почему ты
Так на меня похож, когда во мгле
И я лечу в такие вот минуты,
Чужой простору, ветру и земле?..

МОЛИТВА

Прошу, Господь, не радостей земных,
А старости спокойную усталость,
Чтобы в кругу любимых и родных
Мне провести оставшуюся малость.

Когда одрябли мускулы, а свет
Из глаз, тускнея, медленно уходит,
Оставь, Господь, не тайный блеск монет,
А пониманье — я Тебе угоден!

Оставь мне посох, чтобы мог дойти
Я до мечети... Попросить покоя...
Покой случайно встретить по пути,
Но не понять — а что это такое?..

СТЕНА РАССТРЕЛА

В Дербенте, на Нарын-Кале,
Видней всего стена расстрела.
Следам от пуль в колючей мгле
Ещё чернеть не надоело.

Там революции печать
На скорбных лицах... Люди знают:
Попался белым — расстрелять!
Попался красным — расстреляют...

Столетие прошло... Не впрок
Урок истории напрасный.
А ну, к стене... Взведён курок...
А кто ты — белый или красный,

Не нам минувшее судить...
Давно исписаны скрижали.
Винтовок тех не разрядить —
Не для того их заряжали.

Стою... И чудится — сейчас
Прицелятся в меня лениво...
Вонзится пуля между глаз...
И покачусь я вдоль обрыва

На склоне солнечного дня,
Под звуки песни соловьиной...
И пули всё летят в меня,
Летят над солнечной долиной.

Стена расстрела... Время бед...
Поэт в терзании несмелом...
«К стене, Ахмедов Магомед!
Ты будешь вечно под прицелом!»

Поэт теперь не знаменит,
Известен лишь в родном ауле.
Но если Родина велит,
Подставляю грудь свою под пули.

И прокричать я смею смель
Под сердца гулкие удары:
«Национальность пули — смерть,
Поручики и комиссары!»

А после пули — только мгла,
Когда тебе не нужно тела...
И в крепости Нарын-Кала
Ещё стоит стена расстрела.

Другие мы... Родной земли
Я нынче сын не знаменитый.
Но слышится команда: «Пли!...»
И вновь я падаю на плиты.

МАХМУД ИЗ КАХАБРОСО

Среди эпох, где ужасы и мгла,
Есть образ твой,
святой любви певец.
Тебе любовь бессмертие дала,
А смерть — любовь,
одетую в свинец.

СОВЕСТЬ

— Смотри в глаза и глаз не отводи,
Дозволенным живи, не предавая.
С обманом не мирись... И на пути
Спроси Аллаха, как тебе идти?
И головой, коль нужно, заплати...
Я — Совесть, я как рана ножевая.

Я за тобой иду по кромке лет,
И радуюсь, что мы с тобой едины.
Подкралась старость? Прожил много лет?
Всё истину искал? Но ты ж поэт,
Тебе ль не знать, что истины-то нет?
И в зеркале судьбы твои седины.

Ты — всадник, я всего лишь — верный конь,
Вон сколько грязи было под ногами!
Иди на свет, а темени не тронь...
Надёжна и верна твоя ладонь,
Мы вместе уходили от погонь...
Не изменяй, и правда будет с нами!

Две Родины вошли в твою судьбу,
Не дав прямой дороге стать кривою.
Не дав тебе согнуться, как рабу,
Отбросив и хулу, и похвальбу,
Навек сказав предательству «табу»...
Ты — Родиною стал, она — тобою!

Я — Совесть, ну а ты — моё дитя,
Со мною ты сияешь лунным светом.
От Дагестана беды отводя,
Тебе я повторяю, не шутя —
Лишь на вершину духа возлетая,
Останешься ты горцем и Поэтом.

ВРАТА ПОЗОРА

В Нарын-Кале, в Дербенте, место есть —
«Врата позора»... Стыдно видеть это.
Здесь кто-то предал Родину и честь:
Само названье — верная примета.

А было так... Враг крепость окружил,
И смерть её защитников косила.
Уже на битву чуть хватало сил.
Кипела кровь... И близилась могила...

Всё не сдавалась крепость... И никак
Не мог противник праздновать победу.
Но враг коварен... Он на то и враг,
Чтоб умножать страдания и беды.

Враги смеялись, воду отравив:
«Всё не сдаётся?... Мучайтесь от жажды!
Пусть смерть поёт ваш праведный мотив...
И вам конец... Так было не однажды...»

И предводитель струсил... Он сбежал
Через ворота эти очень скоро.
До сей поры зияют среди скал
Врата того бесчестья и позора.

Кривой дорожки подленький изгиб,
Всего лишь сто шагов до поворота...
Сбежал... А если б дрался и погиб,
«Вратами славы» звались бы ворота!

Мой Дагестан! Ты праведен и свят,
Хотя года, как всадники, несутся.
«Врата позора» пусть себе стоят,
Чтоб больше никогда не распахнуться...

БЕСЕДА

— Что происходит с Родиной твоей?
— Толпу людей не назовёшь народом...
— А голос лжи неужто всё слышней?
— Увы, слышнее с каждым днём и годом...

На всё готовы... Радостно казнят
Тех, кто живёт по совести и чести.
А вожаки, забившись в задний ряд,
Не мчат вперёд, а топчутся на месте.

Всё изменилось... Нынче по горам
Не гонят туров свадебные пляски.
И даже вековечное «салам»
Теперь нечасто слышишь по-аварски.

Пусты аулы... Люди в города,
Как птицы в тёплый край, перелетели.
Поэтом быть — огромная беда,
В молитвах денег кланчат с колыбели...

Забыв язык... Довольна ребятня,
Чужих мелодий слушая звучанье.
Иное всё... Не зябко без огня,
Без очага... Без мудрого молчанья...

И только злоба целится в добро,
И только совесть нынче под прицелом.
Отвага, честь... Всё кажется старо,
К чему геройство? Проще быть несмелым.

Давно казнён отважнейший мюрид,
Давно орлы здесь больше не летают.
... Но где-то колыбельная звучит...
И горы по-аварски подпевают...

Перевёл с аварского
Анатолий Аврутин

Константин Гусев

КОММУНАЛЬНЫЙ РОМАН

Продолжаем публикацию романа журналиста, блогера, режиссёра-документалиста, путешественника, историка-религиоведа, специалиста по экспериментальной социологии Константина Гусева.

Берлинская недвижимость дяди Коли Овощникова

У всех лысых и лысеющих мужчин лысина находится сверху. Это неумолимый закон природы. А у дяди Коли лысина зародилась сбоку. Дядя Коля неоднократно горел в танке и сжёг себе часть черепа. При ближайшем рассмотрении лысина сбоку была огромным ожогом, под которым пульсировали синие вены. Впоследствии такие лысины я видел в американских фантастических фильмах. С возрастом у дяди Коли появилась нормальная лысина сверху, которая постепенно слилась с аномальной боковой лысиной. Облик дополняла вылинявшая синяя ментовская рубашка и треники, в которых дядя Коля ходил зимой и летом.

Как рассказывали соседи, до войны дядя Коля знал множество разных слов. Мало того, в школе лучше всех знал немецкий язык. Но после войны он употреблял лишь одно слово — «говнюк». Употреблял к месту и не к месту. В результате у окружающих возникало ощущение, что он знает лишь одно слово. Но это было не так.

Говнюками дядя Коля называл всех подряд. Включая ответственных работников, которые поздравляли его на 9 мая. В таких случаях ему всегда говорили: «Как же вам не стыдно? Вы ветеран, фронтовик, а так нехорошо ругаетесь?». На что дядя Коля всегда обнаруживал знание других

слов и заявлял: «Я с Гагариным на лыжах катаюсь!». Это было универсальным оправданием всех его преступлений: дядя Коля Овощников был заядрый коммунальный склочник с огромными кулаками и, кроме говнюков, мог нехило навалить. Причём ему было абсолютно без разницы, кто перед ним: мент, партиец или водопроводчик. В структуре нашей коммуналки дядя Коля занимал положение основного берсерка, находясь между бабушкой с наганом и польской дворянкой Катей Колосович с топором. Не удивительно, что с такими бойцами наша коммуналка заслуженно считалась гвардейской и непобедимой.

К сожалению, из-за ограниченного словарного запаса расспросить дядю Колю о его героическом прошлом не представлялось возможным. На все вопросы дядя Коля отвечал говнюками. В соседней с дядей Колей комнате жила тихая старушка по прозвищу «Жена фашистского офицера». Дядя Коля её очень третировал, в результате чего все дети здоровались с этой бабушкой исключительно с помощью «Хайль Гитлер!».

Тихая бабушка поведала, что дядя Коля ши-занулся после того, когда во время разграбления Берлина загнал свой танк в чью-то квартиру на

первом этаже, а когда вылезал из люка, ему на голову свалилась потолочная балка. В результате у дяди Коли поехал крышняк, и он заявил, что это его собственность и что он из этой квартиры никуда не уедет. Несколько дней дядя Коля оберегал свою новую собственность, бухая и расстреливая по ночам голодных малолеток из гитлерюгенда. В результате его комиссовали и отправили домой с диагнозом «белая горячка». Увы, недалёкие военные врачи не смогли разобраться в тонком мироустройстве выдающегося мистика дяди Коли Овощникова.

Лет 10 назад в Берлине на Schwedter Str. 12 находилось кафе «DerGrass». Ничем не примечательное кафе с примитивным аляпистым этно-дизайном и стойким запахом шмали. Меня в нём заинтересовал всего один элемент: у барной стойки в рамке висела чёрно-белая фотография. На ней изображён первый космонавт планеты Земля Ю.А. Гагарин в обнимку с дядей Колей Овощниковым. В руках у них были лыжи. Кафе принадлежало потомкам дяди Коли. Это был тот самый дом, в который дядя Коля въехал на танке. Сейчас там обычная вьетнамская тошнилровка. Фотография бесследно исчезла.

Иллюстрации Амины Котомановой

Евроинтеграция — «Жена фашистского офицера»

(День Победы закончился, георгиевские ленточки и портреты дидов на палках выброшены, и ветераны вновь нафиг не нужны. А мы продолжаем духовно скрепляться, ибо без знания о прошлом нет будущего).

В 30-е годы прошлого века на строительство автозавода в наш город прибыл молодой немецкий инженер Пауль. Понятно, что он должен был влюбиться в девушку Машу. Но девушка Маша была морально стойкой строительницей inferнального будущего, и у Пауля всё обломилось. Всё волшебным образом изменилось после войны, когда в город стали пригонять пленных немцев. Маша увидела грязного и голодного Пауля в рваной форме вермахта на строительстве Чкаловской лестницы. И в ней проснулись не типичные для строителей inferнального будущего мысли: немедленно спасти, вымыть, накормить и согреть этого некогда элегантного врага всего человечества. Идеология строителей коммунизма оказалась бессильна против патриархальных бабских чувств. Пауля отмыли и накормили, и спать уложили... В результате, когда немец убрался в свою Германию, к девушке Маше стали относиться, мягко говоря, не очень... Особо бес-

новался чокнутый сосед — танкист дядя Коля Овощников, называя Машу «говницей». Поскольку других слов дядя Коля почти не знал, соседи придумали ещё более обидное прозвище «Немецкая подстилка». Самым мягким выражением в её адрес было «Жена фашистского офицера».

С таким имиджем девушка Маша дождалась пенсии одна — ни о каком замужестве речи быть не могло. Всё вновь волшебным образом изменилось после развала СССР. Губернатор Немцов сделал город открытым, и в него так же, как и перед войной, повалили иностранцы. У них уличная шпана клянчила жвачку, курицу и презервативы.

Таким образом, ранним утром перед дверью Машиной комнаты в нашей коммуналке неожиданно образовался загорелый и подтянутый старичок — пенсионер совсем не советской свежести. Раздав шпане жвачку и презервативы, он держал в руке букетик полевых цветов. Понятно, что на его появление сбежались обитатели коммуналки. Дядю Колю бравый пенсионер сходу назвал говнюком, и бывалый танкист неожиданно заткнулся. Польская дворянка Катя Колосович бросила топор и расцвела в улыбке: «Ах, какой интересный мужчина!». В глубине души безумная Катя была обычной женщиной. Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли также расцвела в улыбке и предложила заморскому пенсионеру отведать тухлой кильки. Даже она в самых пучинах советской метафизики тоже была женщиной! Бабушка с наганом вообще не вышла, а дворник Семён в очередной раз перебирал свою загадочную стеклотару.

А дальше всё произошло как в сказке: бравый пенсионер и офицер вермахта Пауль забрал престарелую девушку Машу из коммуналки, где её никто не любил. В сказочную Германию их умчал на своей тележке сборщик вторсырья, старый суфий и разведчик дед Хасан. Там они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Боря-тунеядец и митинг против сионизма

Боря Яйцев называл себя комсомольским лидером. Поэтому когда Боря проходил мимо, мы дружно орал: «На верёвке смотрит вдаль комсомольский секретарь». Взрослые обитатели коммуналки называли Борю тунеядцем и бездельником. Боря надоедал людям своими проповедями. Не то что бы его не любили, но относились как к навязчивому блаженному, от которого лучше побыстрее избавиться. Тем более что обитатели нашей коммуналки сами были нехилыми проповедниками.

Один раз Боря собрался проводить митинг против сионистов и агрессивной политики Израиля. Для этого он сунулся к суфию и разведчику деду Хасану. Дед Хасан заявил, что ничего против евреев не имеет, а про сионистов ничего не знает, так как у него нет телевизора и радио. По вечерам вокруг деда Хасана собирались татары-мусульмане и изучали Коран. На эти посиделки стал приходить Боря и проповедовать атеизм и ненависть к мировому сионизму. Тогда дед Хасан выразительно кивнул на финку в сапоге, а потом сделал знак двум здоровым парням. Те подняли Борю подмышки и деликатно вынесли со двора. Больше Боря к татарам не совался.

Потерпев поражение у потенциальных жертв сионизма, Боря обратился к польской дворянке Катьке Колосович. Та понеслась за ним с топором. Дядя Коля Овощников назвал Борю говнюком. Бабушка с наганом достала наган. Регинка-Трепачка Дура-башкой-орехи-коли шарахнула Борю авоськой. В авоське были яйца, которые разбились и заляпали Боре костюм. Обитатели коммуналки заявили, что теперь Боря полностью оправдывает свою фамилию.

В отчаянии Боря сунулся к старому еврею профессору Гурвичу с требованием, чтобы тот от лица всех евреев прилюдно покаялся в преступлениях сионизма. Тихий интеллигент Гурвич неожиданно преобразился в отпетого уголовника и, схватив Борю за грудки, хорошенько

тряхнул. На руке профессора Боря с ужасом увидел татуировку с восходящим солнцем и надписью «Магадан». «Я тебе, гадёныш, и за Освенцим покаюсь!» — тихо прошептал Гурвич. Далее обитатели коммуналки первый и последний раз видели, как профессор бьёт «крюк справа». Боря упал, а дядя Коля Овощников удовлетворённо повторил «говнюк». После этого инцидента профессор Гурвич очень стыдился и краснел как гимназистка.

Участвовать в митинге согласился только добрейший дядя Вадик. Это был солнечный человек с синдромом Дауна. Раз в день, ровно в полдень, дядя Вадик приходил в наш двор и писал на стоящий во дворе катер. Катер принадлежал партийному работнику на пенсии. За десятилетие этой процедуры катер сгнил и развалился. Солнечно улыбаясь, дядя Вадик расстегнул штаны, пописал на катер и дважды крикнул «гевгеи». Митинг закончился.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
СЛЕДУЕТ!

Залму Батирова

Волчий урок

Поэма

В памяти история одна,
Что в душе оставила свой след.
С вами поделюсь я: вот она.
Ваше право — верить или нет

В эту сказку, а быть может, был —
Как её назвать — не в этом суть.
Главное, чтоб из чужой судьбы
Пользу вы сумели б почерпнуть.

Сбросив ночи траурный наряд,
Поражая вечной новизной,
Чистое — что кроткой лани взгляд —
Утро засветилось над землёй.

Время безмятежной тишины,
Пенья птиц и говора ручьёв.
В этот час охотник со стены
Снял своё заветное ружьё.

Радуется пёс, он полон сил,
Рвётся доказать любой ценой,
Что не зря его всегда кормил
Досыта хозяин дорогой!

Как хрустит задорно чистый снег!
Марту не сдалась ещё зима.
За добычей пёс и человек
Двигутся в лесные закрома.

В обретении живых следов
Смысл жизни нынче состоит!
И не снег, а землю рыть готов
Носом беззаветный следопыт!

И азарт, и радость. Хорошо!
Нипочём охотникам мороз!
Скоро волчье логово нашёл
Среди бурелома верный пёс.

Тишины над чащею лесной
И в помине с той минуты нет —
Всё смешалось: лай, волчицы вой
И ружейный громовой дуллет.

Мать всегда — на то она и мать,
Даже у свирепейших зверей,
Чтобы пулю первую принять,
Заслонив собой своих детей.

Ненадолго мать пережила
Выводок волчат в лесной глуши —
Вылетело пламя из ствола,
Злобный пёс расправу довершил ...

«О свершённом больше не жалеи!» —
Был таков охотника закон.
И, гордясь победою своей,
Бороду рукой огладил он.

... Новый день опять разжёт костёр,
Разгоняя снова липкий мрак.
Волчья шкура украшает двор —
Доблести и славы верный знак.

Сколько побывало здесь гостей,
Празднуя удачи торжество!
Видели они лесной трофей,
Лишь его и больше ничего ...

Да, для них жестокости людской
Подтвержденьем вовсе не звучат
И последний материнский вой,
И предсмертный писк слепых волчат ...

Говорит один: «Какой герой!
Пусть удачи жаркие лучи
Освещают путь отныне твой!»
А другой завистливо молчит.

Девочка одна, одна из всех,
Что в тот день толпились на крыльце,
Гладила добычи пышный мех
С горькою печалью на лице.

Доченька — всё счастье в ней одной
Для охотника, который густо сед.
Подарил Всевышний им с женой
Продолжение на склоне лет!

Берегли и холили дитя,
Отгоняли мух и комаров:
Вдруг обидеть кто-то, не шутя,
Их кровинку общую готов!

... Дает пёс, как будто разорвать
Хочет он кого-то во дворе.
Выглянул охотник: «Кто опять
Там пришёл на шкуру посмотри ...»

И застыло слово на губах.
Человек совсем не зря умолк,
Потому что грозный, как судьба,
У крыльца стоял матёрый волк.

Рядом с ним — о, ужас! — никогда
Выдумать страшнее бы не смог —
Дочка-кроха, радость и беда —
Гладила с улыбкой волчий бок!

Белый свет померк в глазах отца,
Будто стал рассвет ночной порой.
В ожиданье страшного конца
Потерял рассудок наш герой.

О ружье забыл он в этот миг,
Что тянулся долго, словно век.
И не слышал страшный псинный рык,
Ничего не слышал человек!

Видел только лютые глаза,
Что дремучей злобою полны.
Как словами это рассказать?
Здесь они изустные нужны!

Ненавистью жёг волчары взгляд
Саклю и хозяина её.
Кровь за кровь! О, как похоже мстят
Звери и двуногое зверьё!

И пускай, возмездье соверша,
В мире волк окажется ином —
Умерла давно его душа
В разорённом логове родном.

«Жизнь моя мне больше не нужна, —
Чудились охотнику слова, —
И твою опустошить до дна
Я имею полные права!

Ты моё семейство погубил,
Жаждою убийства упоён.
Так плати за свой жестокий пыл
И за бессердечие своё!

Счастьем, ладом, будущим плати!
Вот оно, у бока моего!
Будешь выть ты на один мотив,
Волком выть! О, мести торжество!

Дичь не чувствует боли, думал ты.
Так проверь же это на себе!
Что же у порога ты застыл?
Страшно заглянуть в глаза судьбе?

Я — твоя судьба! Я — твой палач!
Я сполна за всё тебе воздам!
Ну, рыдай! Твой покаянный плач
Для меня — целительный бальзам!»

Смотрят в душу страшные глаза
Пропастью, где места нет тропе...
Неужель охотника стезя
Эту муку лютую терпеть?

Мог бы — через пропасть бросил мост!
Только всё не тает злобы дым...
Дочка нежно гладит волчий хвост
И не чувствует никакой беды.

Волка от собаки отличать
Не умеет девочка пока,
Без опаски гладит шерсть опять
Шаловливо тонкая рука.

Волк бывает только там, в лесу,
Где деревья сказки шелестят.
Радуется ласковому псу
Наше несмышлёное дитя.

«Что же делать? — в голове одно
Бьётся у несчастного отца. —
Видно, чашу горя суждено
Пить до дна, до самого конца.

Не поможет звонкая картечь,
Не поможет верный волкодав.
Как же мне дочурку уберечь?
Где найти спасение? Беда...»

На коленях человек готов
Зверя о прощении молить.
О таких есть пара точных слов,
Самых верных. Это — «волчья сыть».

— Как угодно нынче назови!
Виноват во всём лишь я один!
Заклинаю: плод моей любви
Отпусти, не трогай, пощади!

— Пощадить? А разве ты щадил
Сыновей моих и дочерей?
Разве плохо, ты, охотник, жил
В этом крепком доме и дворе?

Что искал ты в логове моём,
Обрывая волчьих жизней нить?
Ты явился со своим ружьём
Лишь с одним желанием — убить!

Для чего? Хотел разбогатеть
Ты на шкуре матери волчат?
Или славы захотелось? Ведь
О таких победах не молчат!

Что, избыток счастья в закромах
У тебя, добытчика, теперь?
Кто из нас двоих сошёл с ума?
Кто из нас двоих страшнее зверь?

Для меня охота — не игра,
Голодуха гонит за едой.
Ты ж выходишь сытым со двора,
Чтобы гнаться за чужой бедой!

Люди, люди... Скалите клыки,
Меж собой вступаете в бои.
Что вам наши бедные щенки,
Если не жалуете своих!

Брата брат у вас загрызть готов,
Без вражды не мил вам белый свет.
Жизнь куда честнее у волков,
Ведь над нами власти денег нет!

Каждое мгновенье — словно год
Пролетает, главное губя...
Девочка смеётся и поёт,
Нежно ухо волчке теребя.

А палач с преступником молчат.
Но слова, как будто молотки,
В голове охотника стучат.
О, как их удары нелегки!

— Видишь, враг мой, что такое зло,
Сердце застающее врасплох?
Сколько без возврата унесло
Это зло таких несчастных крох!

Где, охотник, мужество твоё?
Где утратил ты задорный вид?
Слышишь, как дитя твоё поёт?
А сейчас предсмертно захрипит!

Что, доволен шкурой на столбе?
По плечу ли славы груз? Терпи!
Музыкою кажется тебе
Лай дружка, что рвётся на цепи?

Почему понять ты не сумел
Разницу меж «можно» и «нельзя»?
Волчьё сердце взял ты на прицел.
А, выходит, собственное взял!

Почему бездумно, словно скот,
Ты живёшь на свете, объясни?
Вот сегодня дерево цветёт.
Ну а завтра что случится с ним?

Град побьёт, а может быть, мороз
Вдруг укоротит растенья век?
Иль, страшнее холодов и гроз,
В лес придёт убийца-дровосек?

Ты сегодня знатен и богат,
В кошельке твоём монет не счастье.

Ну а завтра будешь очень рад
Вволю хлеба чёрствого поесть!

За сегодня завтра дашь ответ —
Не отпустит просто так вчера!
Неужель не знаешь ты секрет
Истины, что, словно мир, стара?

Давнюю жестокость замолить
Не поможет грешнику мечеть!
Рано или поздно, сын земли,
Будешь в адском пламени гореть!

Не один ты льёшь чужую кровь,
Сея горе и страданья сплошь.
Ты надежду, веру и любовь
С нелюдями на прицел берёшь!

Разве это трудно — добрым быть?
Обогреть, порадовать, помочь?
Не касаться злом чужой судьбы,
Светлый день не превращая в ночь?

Почему у многих злобный нрав
Заглушил остатки доброты?
«Кто сильнее — тот всегда и прав!» —
Миллионы думают, как ты.

Потому и ставят у руля
Тех, кто жаждет войны затевать.
Плачет оскорблённая земля,
Общая для всех святая мать ...

Как изводит реки и леса
Неразумный человеческий род!
Что сейчас не смотришь мне в глаза?
Может, совесть за душу берёт?

Скоро будет вся земля пуста —
Ничего, кроме могильных плит!
... Девочка у волчьего хвоста,
Улыбаясь ангельски, стоит.

На цепи хрипит бессильно пёс,
И неумолимо, как гроза,
Бедного охотника допрос
Продолжают страшные глаза.

— Выстрелы твои — всего лишь часть
Зверств, что люди на земле творят!
О, если б имел я только власть
Время поворачивать назад!

Ну а ты? Неужто б поступил
Ты опять, как устроитель бед?
Или, словно псина на цепи,
Снова б начал рыскать волчий след?

Понял, ощутил ли, человек,
Ты грехопаденья глубину?
Коль обманешь, знай: на весь свой век
Не меня — себя ты обманул ...

Не простит тебя тогда Аллах,
В ад свезёшь грехов своих арбу.
Потому на добрые дела
Заклинаю я твою судьбу!

... Мартовский погожий день вокруг
Солнышком приветствовал весну.
Выскользнул палач из детских рук
И через забор перемахнул.

Мельнице — вода, печи — огонь,
Каждому оружию — герой.
Истинами сколько ни долдонь,
Их до сердца не доходит строй.

Волку — человечность? Никогда!
Волку предначертан волчий век!
Но любой укажет без труда,
Кто здесь зверь и кто здесь человек ...

Подошла история к концу,
Бог не дал торжествовать беде.
Подбежала девочка к отцу:
— Папа, папа, а собачка где?

Почему она ушла от нас?
Хорошо играть с ней было так!
Никогда таких я умных глаз
Не видала у других собак!

Что отцу ответить, если он
Жизнь переиначил этим днём,
Напрочь потеряв покой и сон, —
Совесть наконец проснулась в нём.

На мгновение глаза сомкнёт,
И опять кружится голова:
Снова прямо в душу смотрит тот,
Кто вопросы нынче задавал.

Чтоб забыться, кинулся отец
Ночью к телевизору скорей
И включил. А там — война, Донецк,
Слёзы над могилами детей,

Что убиты вовсе не в бою.
И охотнику на страшный миг
Показалось: доченьку свою
Он увидел ясно среди них.

И всю ночь до самого утра
Дым пожарищ чудился ему.
Стал теперь за будущее страх
Наказаньем сердцу и уму.

«Не кощунство ли бездумный смех
И моей удаче похвала?
Да простит меня за тяжкий грех
Вышним милосердием Аллах!

Начинаю новое житьё!
Нет иного у меня пути!»
...И своё проклятое ружьё
Во дворе о столб расколотил.

Перевёл с аварского Ю. Щербаков

КУЛЬТУРНЫЙ
КПОРТРЕТ

